

★ ВОЙНА ★ Я ПОМНЮ

ПРОЕКТ
АРТЕМА ДРАБКИНА

«КАТЮШИ» —
«СТАЛИНСКИЕ ОРГАНЫ»

Война. Я помню. Проект Артема Драбкина

Артем Драбкин

«Катюши» – «Сталинские органы»

«Яуза»

2018

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Драбкин А. В.

«Катюши» – «Сталинские органы» / А. В. Драбкин — «Яуза»,
2018 — (Война. Я помню. Проект Артема Драбкина)

ISBN 978-5-9955-0999-8

14 июля 1941 г. в 15 ч. 15 мин. железнодорожную станцию Орша накрыл огненный вал, от которого запылали практически все немецкие эшелоны, находившиеся на станции. Так о себе впервые заявило новое грозное оружие – реактивная система залпового огня, которую советские бойцы ласково называли «Катюша», а немцы с ненавистью – «Сталинский орган». За время войны советские войска получили более 11 000 установок РСЗО разных модификаций. Из первой экспериментальной батареи капитана Флерова, которая в 1941 г. обстреляла Оршу, к 1945 г. выросло 570 дивизионов «гвардейских минометов», которые, являясь резервом Ставки Верховного Главнокомандования, воевали на всех фронтах Великой Отечественной. Новая книга проекта «Я помню» (<http://iremember.ru>) – это рассказ тех, кто воевал на этих грозных машинах.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9955-0999-8

© Драбкин А. В., 2018
© Яуза, 2018

Содержание

Пивник Ефим Борисович	6
Каликов Аманжол Каликович	20
Каекин Леонид Андреевич	26
Бубнов Александр Михайлович	34
Хорев Михаил Гаврилович	41
Анашкин Иван Николаевич	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Арте́м Драбкин
«Катюши» – «Сталинские органы»

© ООО «Яуза-пресс», 2018

Пивник Ефим Борисович

Я родился в 1924 году в Борисполе, под Киевом. В школе увлекался авиацией. В 1940 году закончил школу планеристов при Осоавиахиме, получил справку об окончании и о том, что имею 30 самостоятельных полетов. В Борисполе был грунтовый военный аэродром, стояла десантная бригада. 20 июня 1941 года мы окончили десятилетку, выпускной вечер был назначен на воскресенье, 22 июня. Так он и не состоялся.

Как для вас началась война?

Сразу после начала войны мы побежали в военкомат, но наш год еще не призывали. Ребят 23-го года, с которыми я учился, взяли и отправили в Омское училище. А из нашего возраста формировали отряды и посылали на восток, в эвакуацию.

Между тем в городе создавался истребительный отряд, куда я и записался. Основная задача – ловить диверсантов. Машин не было, оружия тоже, можно сказать. Выдали учебные осоавиахимовские винтовки с просверленными патронниками, но был штык.

Сразу получили задание. Перед войной на Бориспольском аэродроме начали делать бетонное покрытие. На стройке работали заключенные. В первый же день войны немцы бомбили Киев, и наш аэродром тоже. Заключенные разбежались. Мы вместе с красноармейцами ловили их. Мы ни одного не поймали, а солдаты ловили. Я потом видел их, сидят в кузове грузовика, злые, надменные. Так началась для меня война.

Истребительный отряд бездействовал, и я решил пойти работать в авиаремонтную мастерскую № 14 при аэродроме. Проработал слесарем месяц. Немцы жали. Бомбили Борисполь. Мастерскую эвакуировали в Миргород. Там, в районе гоголевской деревни Сорочинцы, тоже был недостроенный военный аэродром и производственные помещения. Работали как военные, так и вольнонаемные, вроде меня. Прилетали летчики, плакали:

– Где бомбили?

– Под Белой Церковью.

– И как?

– Немец не дает подняться в воздух.

Через некоторое время ко мне приехала мать с двумя младшими братьями Григорием 1927-го и Петром 1938 года рождения. Жили в Сорочинцах, у людей. Отец остался дома и погиб. В августе мастерская снова эвакуировалась дальше на восток. Начальник сказал, что не имеет права брать с собой мою семью, но, поскольку я не военнообязанный, может уволить меня, выдать документ, чтобы я сам эвакуировал их. Эвакуация проходила спокойно, никакой паники не было. Мы купили билет и ехали в пассажирском вагоне. Прибыли в Воронежскую область, станция Талое. Здесь нас разобрали по колхозам. Как раз началась уборочная. Я работал на току, Григорий возил зерно на волах. В октябре я решил, что прежде, чем идти в армию, нужно пристроить семью куда-нибудь на восток. Эвакуационные документы у нас были в Воронежскую область, поэтому решили добираться своим ходом. Поезда шли переполненные, но в конце концов нам удалось доехать до Свердловска.

Семья. Верхний ряд: братья Петр, Григорий. Нижний ряд: мама Феня Борисовна, Ефим.

Устроился работать на Среднеуральский механический завод слесарем. На заводе, как потом выяснилось, мы делали головную часть снарядов для «катюш». Гришу в ремесленное училище не приняли по возрасту, но он устроился учеником токаря и через три месяца стал токарем. На заводе работали пацаны и девчонки от 14 лет, а мне уже было 17, назначили слесарем-наладчиком. Я в авиаремонтной мастерской самолеты чинил, поэтому со станками справлялся. Мы с Гришей получали по 800 г пайка, мама и трехлетний Петя – по 400 или 500.

Как вы попали в армию?

В апреле 1942-го я болел тифом. В это время должны были призвать в Челябинское авиационное училище, а я не попал, проболел. В мае я пришел на призывной пункт Орджоникидзевского района (Уралмаш). Нас всех, человек 15–20 с поселка Сугрэс, отправляли в пехотное училище. Я подошел к военкому, показал документы из школы планеристов и попросился в

летное училище. Тот распорядился отправить меня пока обратно, до особого распоряжения. В августе снова вызвали в военкомат, говорят: «Летных наборов пока нет, а служить надо». Мало было самолетов в 42-м году. Даже те ребята, которые уехали в Челябинское авиационное, как писала мне потом мать, тоже не стали летчиками. Их отправили в танкисты. Так и я оказался в гвардейском минометном училище в г. Миасс.

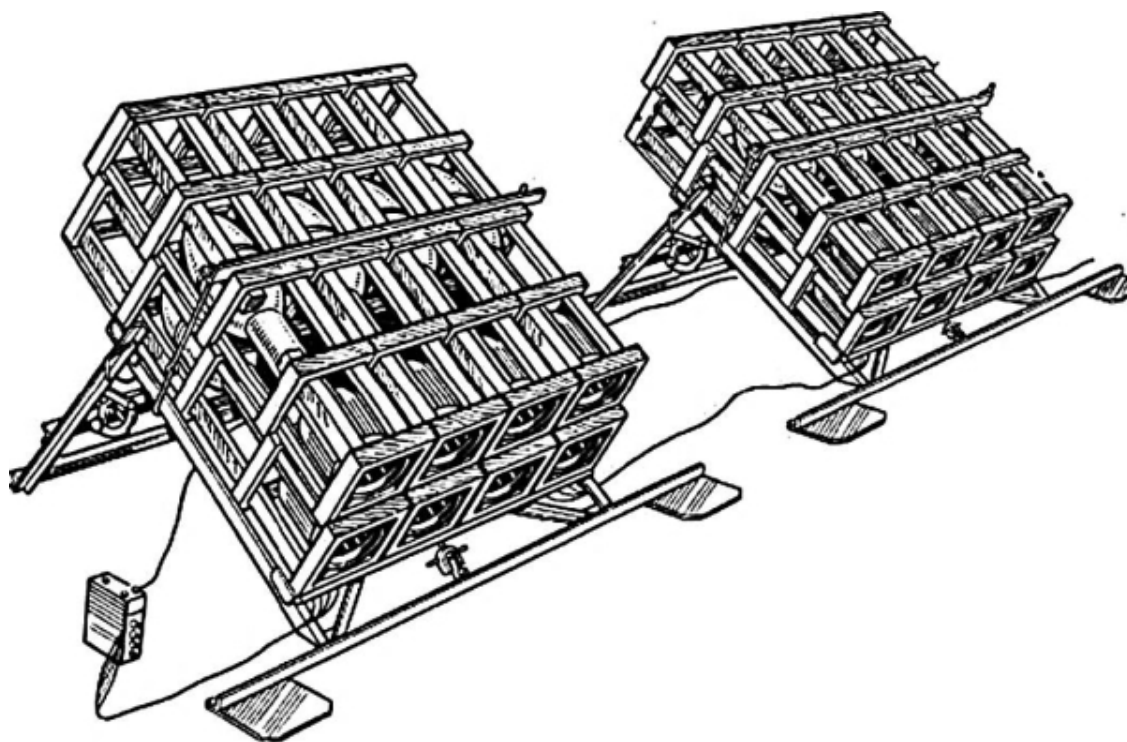
Только появились в расположении, увидели – стоят «катюши» на ЗИСах, на танкетках, пусковые станки, я же не знал, что это такое. Началась учеба. Курсы были сокращенные, шестимесячные. Мы прибыли в конце августа, и нас тут же направили на поля. До сентября работали на уборке урожая, только потом начали учиться по шестимесячной программе. Закончили программу, сдали экзамены. Всем хочется на фронт, а нас не выпускают. Неизвестно почему. Начальство не знало, когда мы понадобится, поэтому программу не меняли, а перегоняли из пустого в порожнее. Повторяли пройденный материал, работали на лесозаготовках, на постройке эвакуированного завода ЗИС, снаряды грузили и так далее. Только в декабре 1943-го нас выпустили. Я был в чине младшего лейтенанта, специальность – командир огневого взвода.

Какие обязанности были у командира взвода?

Командир взвода отвечает за установку пусковых станков, загрузку снарядами. Командует: «Снять колпачки, – если стрельба осколочными, – не снимать, – если фугасами, – вернуть взрыватели». Затем нужно подсоединить снаряды. Все 12 станков стоят в ряд, на каждом по 8 снарядов, из которых торчат провода. Еще один провод прокидывается вдоль всего ряда. К нему подсоединяются все мины. Все очень примитивно. Этот провод соединяется с подрывной машинкой или с батареей БАС-80. По команде – огонь. Залп производит электрик.

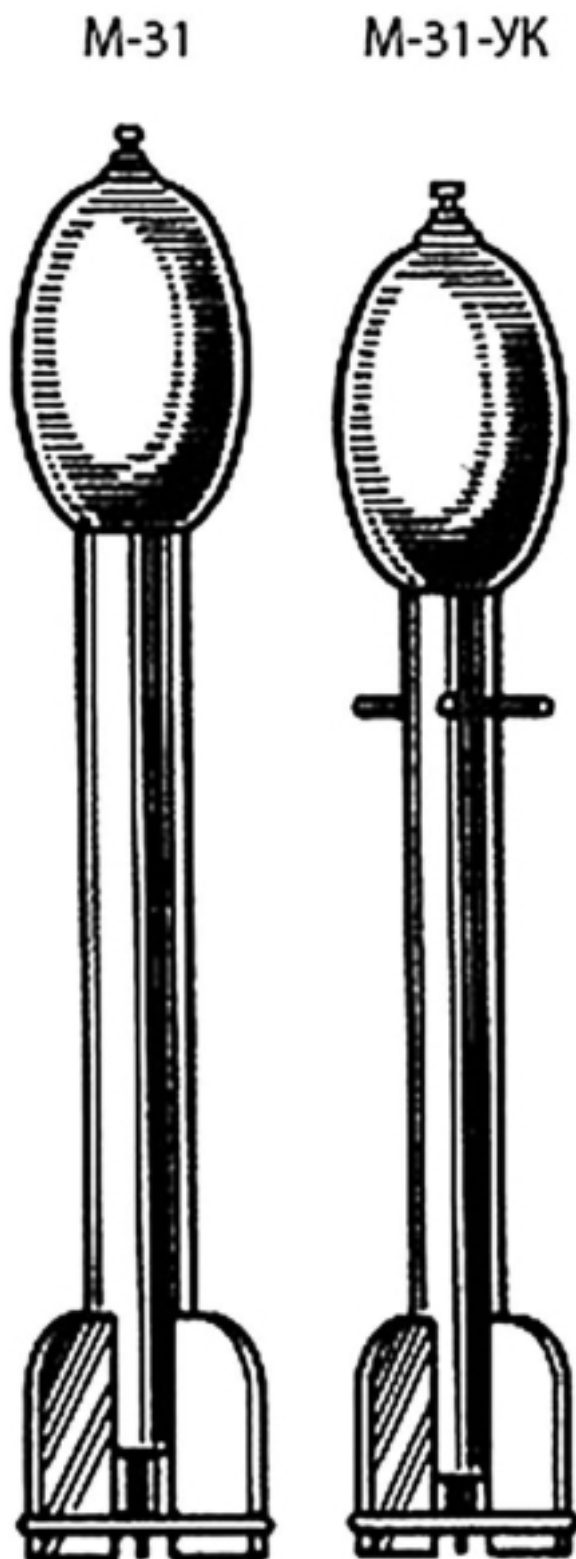
На залп нам давали 5 минут. Объясняю: при залпе не всегда вылетали все мины. Где-то оборвется проводочек, и часто несколько мин не вылетали. За 5 минут мы должны запустить их вручную. Я, как комвзвода, и вообще все офицеры, кто есть, распределяем снаряды меж собой. Кто бежит к мине с батареей БАС-80, цепляет провода, пускает напрямую, кто вообще с факелом. Если БАС не сработал, значит, обрыв внутри. Факел засовываешь в сопло, и берегись, потому что и обжигались, и камни с землей летят – это же реактивная сила.

Дивизион – это взвод управления и три батареи, или, по-другому, огневых взводов. На каждой батарее – взводный комбат, помкомбата, электрик батареи – желательно офицер, лейтенант, потому что он выполняет ответственную работу – подсоединяет снаряды, или старший сержант. Командиры отделений. Три отделения солдат, около 12 человек. 12 пусковых станков.

Станок для стрельбы реактивными снарядами М-31.

Станок состоит из сошника, который в землю упирается, самой рамы и стоек с отверстиями, чтобы регулировать угол возвышения. Один поднимает раму, двое у стоек со штырями, чтобы зафиксировать угол. Станки ставят в ряд. Направление вычисляем по буссоли. Угол возвышения смотрим по угломеру, квадранту угломера. Обыкновенный уровень. Потом идет загрузка снарядов. Четыре штуки в ряд в деревянных ящиках. Потом стали класть в два ряда – 8 штук. Сверху кладется металлическая планка и притягивается талрепами, стяжками к раме, чтобы закрепить конструкцию.

Реактивные снаряды.

В ящиках по углам набиты 4 бруса-направляющих. Чтобы снаряд не выпал при транспортировке, он закреплен в ящике поперечными планками. Перед стрельбой их необходимо сбить. Слышал, немцы говорят, что «русские ящиками кидаются»? Если планка не сбита, реактивная тяга выкидывает весь ящик. Конечно, снаряд не долетает, иногда падает и на своих.

Стреляли с расстояния 2 километра, километр, а в наступлении вынуждены были даже перед пехотой вылезать. Точности ведь никакой, стреляли по площадям, поэтому расстояние зависело и от того, какой участок фронта нужно накрыть. Эллипс рассеивания разный.

Чтобы поставить все, нужна ночь. Нас подвозили к огневой на грузовиках. Но машины не всегда могли подъехать прямо к позиции. Иногда это передний край. Приходится все это хозяйство: рамы, снаряды – тащить на себе. Тяжелый труд.

Ветераны, воевавшие на «катюшах», говорят, что после залпа они сразу уходили, так как их тут же накрывала немецкая артиллерия.

Они уходили, им хорошо. Сел и поехал. Мы, если время есть, на позиции отрывали ячейки, потому что после залпа артналет обязательно должен быть. Во время обстрела кто бежит, кто лежит. Рамы не очень страдали, это же решетка обычная, бывает, перевернет взрывом. А потом пехота пойдет, уже легче.

Давайте вернемся к тому времени, когда вы попали на фронт.

Перед Курской дугой у нас в училище было много офицеров подготовленных. Но не выпускали. Потом вышел приказ выпустить 1000 человек. Им дали сержантов и старших сержантов, несмотря на то, что они курс прошли, и отправили в войска. Нас оставили. По какому принципу отбирали – мы не знали. Но очень переживали, что война кончается и нам не удастся повоевать. В декабре выпустили и нас, младшими лейтенантами. Обмундирование было только солдатское. Кирзовые сапоги, шинель, ремень – ничего офицерского не было. Я, когда войну закончил, у меня не было настоящей офицерской фуражки.

Из Миасса пассажирским поездом отправили в Москву в резерв гвардейских минометных частей. Наше ГМУ (училище) было создано на базе эвакуированного из Москвы Первого московского Краснознаменного гвардейского артиллерийского училища им. Красина. В его московских казармах нас и разместили. Я там пробыл неделю. Затем нас троих молодых ребят 1924 года рождения направили в опергруппу ГМЧ 2-го Украинского фронта. Шли бои за правобережную Украину. Какое-то время был в резерве фронта, а в апреле меня направили командиром огневого взвода в 8-ю гвардейскую тяжелую минометную бригаду. Там был командиром огневого взвода. Командир взвода управления дивизиона вскоре заболел, и меня назначили на его место. Под Яссами я был командиром взвода управления, потом он выздоравливал и опять болел, в общем, мне два раза пришлось менять должность, в должности комвзвода управления и закончил войну.

Расскажите про свой первый бой.

До августа фронт стоял в обороне. У нас были занятия, разведка работала, но боев пока не было. Первый бой был под Яссами, я был командиром взвода управления. Взвод управления – это отделение проволочной связи, отделение радиосвязи и разведчики. Моя задача была находиться с двумя разведчиками и двумя связистами на командном пункте стрелкового полка, обеспечивать связь с дивизионом. Населенного пункта рядом не было, помню железную дорогу и тоннель, в нем разместился медсанбат. Огневую оборудовали без меня, я был с пехотой. На рассвете должен был быть залп, но команды не поступало, пехотный комполка тоже не знал, в чем дело, ему не сообщали, это же общее наступление, все ждут команды. Нас обстреливали, там меня контузило, но отлежался еще до атаки. Рассвело, немцы засекли наши огневые, начали обстрел. А станки все уже заряжены, ракеты стоят. И в это время командир полка мне говорит: «Я боюсь, что вы можете своих задеть, младший лейтенант, подними станки на два деления».

Он имел право дать такой приказ? Ведь расчеты уже сделаны.

Имел, без его команды мы и не выстрелим, мы его поддерживаем. Про расчеты он не знает, его дело указать, куда стрелять, наше дело расчеты сделать. Если он решил поменять цель, мы должны сменить прицел.

На огневой находился командир нашей бригады, и вот он, вместе с командиром дивизиона, другими офицерами, побежал менять угол возвышения. Рамы загружены минами, взрыватели ввернуты. 3–4 человека залазят под раму, на плечах поднимают, двое переставляют штыри. Так, под опасным обстрелом, поменяли угол. Комполка скомандовал, мы дали залп. Удачно. Потом пехота пошла, а я с ними, вдруг где-то нужно еще будет залп дать. Пехота пленных много набрала. Немцы мало сопротивлялись. Но все же много наших было ранено. Я не забуду, как сидел на бруствере один пожилой солдат с усами и руками кишки обратно в живот вкладывал. Тут немцы пленные сразу сообразили, соорудили носилки из плащ-палаток. Мы им показали, куда нести, они понесли раненых. Сами, без сопровождения. Мы прошли метров 500, я увидел – домик стоит, решил там наблюдательный пункт устроить. Пошли туда с разведчиками. В открытую идем, по нам уже не стреляют. Оказывается, в этом доме у немцев был командный пункт и он окружен минным полем. Противопехотные мины были соединены между собой проволокой. Я заметил эту паутину, крикнул: «Мины!» Тут все присели, потом потихоньку, перешагивая, добрались до этого домика. Это трудный бой был, остальные были не намного легче, но были и такие, когда мы давали залп и оставались на месте, без ответного обстрела.

Офицеры IV дивизиона 1945 г.

Август, сентябрь, октябрь наступали и дошли до Плоешти. После взятия Плоешти нас отправили на формирование. В Гороховецких лагерях, между Горьким и Москвой, формировались гвардейские минометные части. Повезли нас туда, но высадили раньше, в Луцке, это Западная Украина.

В Луцке мы принимали пополнение, занимались боевой и политической подготовкой. В бригаду пришли новые машины БМ-31 – 12. Это как «катюша», только у «катюши» направля-

ющие – рельсы, а тут металлический каркас. Но уже заряжали без ящиков, подъемный механизм. М-31 у нас снаряды, а 12 – количество зарядов. Два ряда по 6 штук. Такими машинами оборудовали 1-й и 2-й дивизионы. 3-й и мой, 4-й, остались на «рамах».

С бандеровцами встречались?

Луцк – это бандеровский край. Мы в деревнях сами видели надписи «Смерть Сталину, смерть Гитлеру». Внутренние войска воевали с ними. Нас же часто привлекали к прочесыванию местности. Ну, мы несерьезно к этому относились, потому что всегда ходили впустую, никого не ловили. Считали, что это все шуточки.

Вещевое довольствие, вооружение нам присылали, а продовольствие получали по разнарядке в колхозах. Однажды замкомбата Сапричян поехал за картошкой в район. Там уже была Советская власть, но бандеровцы командовали. Председатель сельсовета, рассказывали, ночевал всегда в разных местах, ходил с ружьем, старался не встречаться с бандеровцами. Сапричяну дали три машины, на каждую он взял по сержанту и по два солдата, вооружились ручными пулеметами, гранатами.

Приехал, а председатель ему говорит: «Я тебе все дам, только нужно подождать, у нас тут свадьба, пусть они отгуляют, потом возьмете картошку». Свадьба была у бандеровцев. Они Сапричяна даже позвали на свадьбу, говорят: «Не бойся, мы тебя не тронем, мы только против краснопогонников, это внутренние войска. Можешь не охраняться, отгуляем и загрузим тебя». Сапричян взял с собой помкомвзвода, старшего сержанта и пошел. Пить он умел. Свадьбу отгуляли, погрузили картошку, и они благополучно вернулись. Сапричян приехал заросший, не брился неделю.

23 февраля был День Советской армии. Мы выпили, а я молодой был, непривычный и отравился. 24-го меня рвало, болел, в общем. Это меня спасло. Пришел приказ выделить дивизион на прочесывание. Послали по одной батарее с каждого дивизиона, еще хотели послать мой взвод управления, но, увидев мое состояние, послали взвод из 3-го дивизиона. Проводник оказался бандеровцем. Они подошли к селу, проводник велел всем остаться в лесу, взял с собой взвод управления, и они пошли в село на разведку. Наши в лесу ждали, слышали стрельбу, пошли и в центре села увидели весь взвод, около 20 бойцов с командиром, лежат в круговой обороне застреленные. Это были самые большие потери на моей памяти. 26-го похоронили их в Луцке у вокзала, а 27-го нас отправили на фронт. Вот это то, что я сам знаю о бандеровцах.

Как награждали в гвардейских минометных частях?

У нас в части скудно награждали. Под конец войны хорошо награждали те части, что наступали на Берлин. Я получил только медаль «За отвагу» за Братиславу.

Расскажите подробнее.

Через Будапешт в марте мы приехали под Братиславу. Там мы пришли ночью на позицию, поставили станки. Позиция была в первой немецкой траншее, накануне отбитой нашими. Но нашей пехоты в ней не было, должны были подойти утром, перед атакой. Ночь проходит, светает, а пехоты нет. А мы же не сами стреляем, а по команде пехоты. Рассветло, немцы нас сразу засекли. Наше счастье, что у них артиллерии не было, они решили нас просто захватить. Траншея-то немецкая, у них ходы сообщения есть. По этим ходам они пошли и окружили нас. И вот у нас часть солдат на позиции, ждут приказа на залп, а я со взводом управления, разведчиками, связистами в круговой обороне. Учти, это был 45-й год, и мы все равно себя чувствовали победителями. Батарею отстояли, ручной пулемет у нас был, автоматы. И потом они же тоже могли только по траншеям передвигаться.

Полевые занятия. г. Штоки, Чехословакия. Май 1945 г.

Март, апрель, май воевали в Чехословакии, Венгрии, Австрии, войну закончили в Чехословакии. Уже без особых происшествий. Приехали, дали залп, пошла атака.

Как относилось к вам местное население?

Чехи, словаки были к нам очень доброжелательны. Румыны капитулировали и воевали на нашей стороне. После войны, в деревне Штоки, стояла наша бригада и румыны. Чехи их задирали. Румын напьется пьяным, чехи поймают, побьют. Начались у них стычки. Румыны даже в наш штаб пришли: «Помогите». Вот, приходилось мирить их, заступаться. Чехи их не любили: «Они с немцами были, а сейчас уже с вами». Вот такая дружба народов.

Многие ветераны считают румын неважными солдатами, что вы можете сказать по этому поводу?

При форсировании реки Грон мы поддерживали румын, это было под конец войны. Мы и зенитчики. Зенитчикам было делать нечего, немецкие самолеты уже не летали, так что им приказали стрелять по наземным целям. Я был с разведчиками на наблюдательном пункте, вместе с наблюдателями от зенитчиков. А они понятия не имели про систему ориентиров и т. п., не учились стрелять по наземным целям. Да, о румынах. У них были такие небольшие маты. Румын бежит в атаку, когда залечь нужно, мат на землю кладет и на него ложится. Больше я их в бою не видел, но вот это помню. После войны мы в Румынии стояли, там видел их строевую подготовку. Интересно они поворачивались, как-то вприпрыжку.

Верхний ряд: Ефим Пивник, фельдшер Мария Кутырь, Федор Клец. Нижний ряд: начштаба Андрей Мочалов, помпотех.

Где вы встретили День Победы?

Мы взяли Брно и пошли дальше. 7 мая мне приказали отправиться к пехотному полку, найти полковника и поддерживать их наступление. Поехали я, два разведчика и радист. Приехали утром. В Чехословакии фронт держали власовцы и эсэсовцы, самые отборные, но было тихо. Мы пришли – я и трое ребят, все 24-го года рождения, молодые, здоровые. Смотрим, капитан принимает пополнение из среднеазиатских республик, много, наверное, батальон. Командует: «Разойдись!» Они разбежались, а он шутит: «Младший лейтенант, давай махнем, я тебе этот батальон, а ты мне своих троих». 8-го мы пошли на наблюдательный пункт. Мы с разведчиками идем, вдруг выстрел из пушки. Перед нами болванка ударила в землю, жаром обдало, но повезло, все живы. Между домов стоял немецкий танк, все думали, что подбитый. Он и выстрелил только один раз. Начальник артиллерии полка мне рассказал, что половина

деревни Бабице наша, половина немецкая. Тут же артиллеристы стояли. А на улице тепло, тишь, благодать. Цели он мне не дает пока, говорит, что батальон пошел в разведку боем, и у него связи с ними нет. Оказалось, они ушли вперед и никого уже не встретили. Фронт рассыпался. Так закончилась война на нашем участке. Мы отправились обратно в бригаду, а 9 мая пришло сообщение по радио, что закончилась война. Тут стрельба, радость. Вино у нас было, водка, отметили.

Женщины у вас в части были?

Была фельдшер дивизиона Маша Кутырь. Она была единственная у нас, относились с уважением. Ну я тогда еще был пацан, с женщинами не умел обращаться.

Приходилось сталкиваться с немецкими реактивными установками?

Под обстрел не попадали. Но под конец войны нам выдали правила стрельбы немецкими реактивными снарядами, такими, как наши, чтобы можно было в случае захвата трофеев их использовать. Тогда у нас еще появились снаряды улучшенной кучности М-31-УК. В конструкцию снаряда добавили 4 маленькие трубки, расположенные перпендикулярно оси снаряда, под углом 90° друг к другу. При горении порохового заряда часть пороховых газов выходила из этих трубок и поворачивала снаряд вокруг его продольной оси. Как пуля в нарезном стволе, поэтому кучность снарядов М-31-УК была лучше, чем М-31. У немцев тоже была такая технология, но у их снарядов эти отверстия были вокруг сопла, прямо в корпусе снаряда. Они умнее сделали. Сам я их не видел. Это я рассказываю, как в правилах было написано. Мы ставили станки, а они вырывали в земле траншею и туда закладывали снаряды, так и стреляли.

Вы обычно делали один залп с одной позиции?

Мне два раза никогда не приходилось стрелять.

Ефим Борисович Пивник, 2014 г.

Посылки домой посылали?

В конце войны нам организованно выдавали трофейный сахар, крупу, материал, и мы посылали домой. Я две посылки отправил.

Вши были?

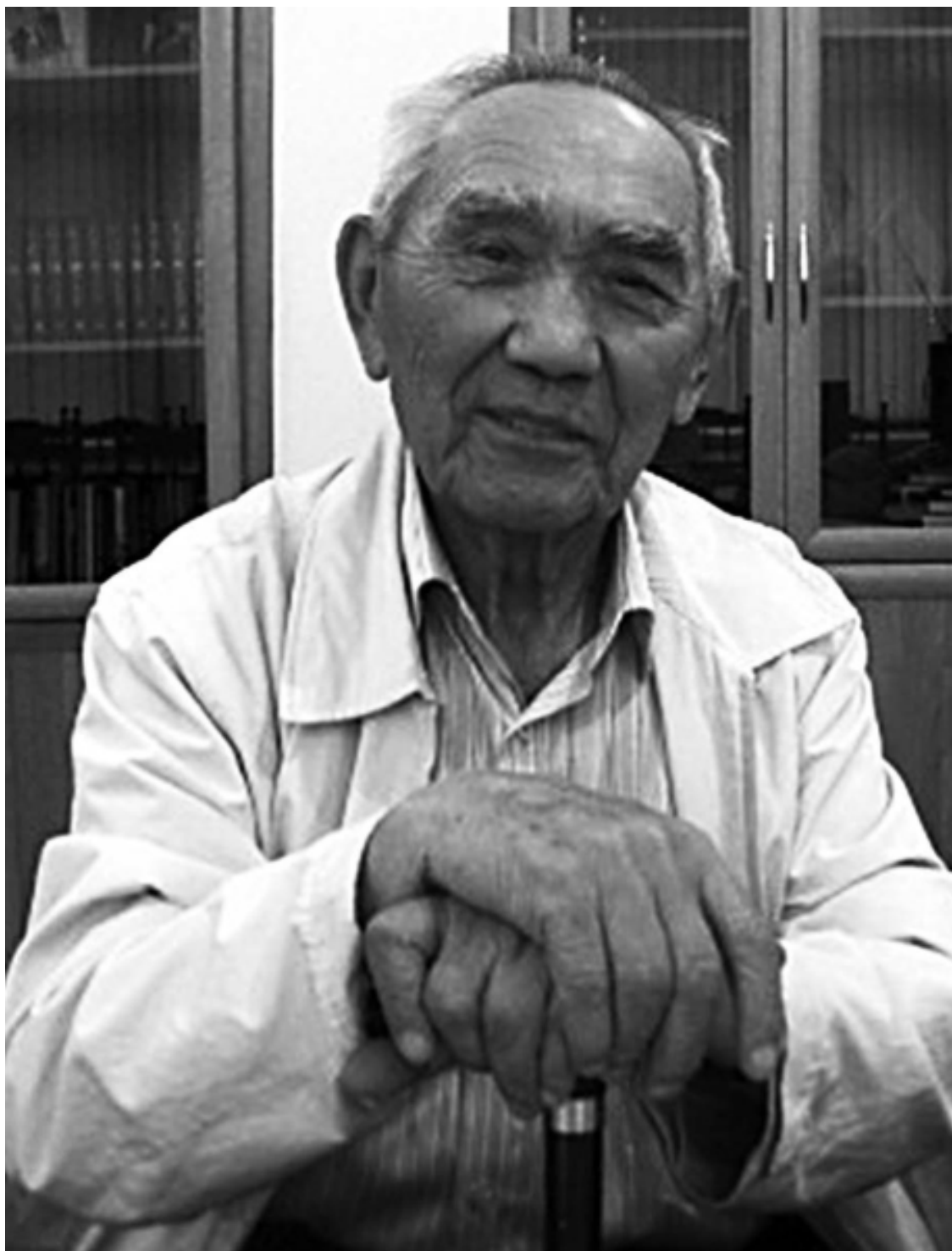
Мы обычно после боя отходили в тыл, в ожидание. А там баня, в бочках прожаривали белье, вшей не было.

Как сложилась ваша жизнь после армии?

После армии я работал на предприятии «Старт», производили вооружение, системы «Град» в том числе. Был начальником технологического бюро. Оттуда и ушел на пенсию, видишь, они мне календарь подарили на 2014 год.

Интервью и лит. обработка Н. Домрачев

Каликов Аманжол Каликович

Я родился в 1921 году. В 1932–1933 годах в Казахстане был голод, в результате которого умерла половина казахов. У моего деда Мустафы шесть детей было, все умерли во время голода. Я с восьми лет попал в детский дом, окончил там школу, после чего поступил в Алма-Атинский горно-металлургический институт. Но в 1939 году, когда я учился на первом курсе, меня призвали в армию. Там же как получилось – 1 сентября 1939 года Гитлер напал на Польшу, а в нашей армии тогда 70 % колхозников было, тогда промышленность в СССР слабая

еще была, а армии требовались образованные люди. После призыва я попал во взвод управления 299-го артиллерийского полка 194-й горнострелковой дивизии. Дивизия эта формировалась в Сибири, но через два-три месяца нас перебросили в Сталинские военные лагеря, которые находились под Ташкентом.

Когда меня в армию призвали, русский я плохо знал, но через полгода выучил, стал командиром отделения. Вообще тогда образованных людей в армии мало было. Вот у нас старшина, командир отделения. Когда он учил нас обращаться с винтовкой, он говорил: «Я рассказать не могу. Повторяйте, как я делаю». Берет затвор винтовки, показывает, как надо. Мы за ним следим и потом сами повторяем. Он посмотрит на нас: «Молодцы». Вот какие люди были – необразованные, но мудрые. Мы их уважали.

Когда я уже должен был увольняться, у нас в части стали агитировать на поступление в училище. Грамотных тогда посылали в артиллерийские или в авиационные училища. Я согласился и пошел в артиллерийское училище. Сперва попал в Ленинград, а потом меня перевели в Московское. Когда немцы подошли под Москву, наше училище перевели в Уральск, туда много военных училищ эвакуировали. Всего я в училище учился шесть месяцев. В начале 1942 года меня выпустили и назначили командиром огневого взвода гвардейских минометных частей. Формировались мы в Москве, в Измайловском парке. После формирования нас направили на Северо-Западный фронт, а оттуда на Северо-Кавказский. Воевали в Краснодарском крае, станица Абинская, Крымская. Под Крымской был большой бой, там немецкая авиация наш командный пункт разбомбила, там я ранен был. За станицей небольшой лес был, а за ним населенный пункт, который мы у немцев отбили. Командир бригады сказал, что надо послать в этот населенный пункт машину. Поехали. Вдруг нас полковник-танкист останавливает, говорит: «Немцы снова заняли». Мы развернулись, а в это время немецкий самолет летел. Я из машины вылез, под танк залез, переждал бомбежку. Потом обратно в машину сел, вернулся в штаб бригады, и там говорят: «У вас кровь идет». Касательное ранение. Отправили в санчасть.

После того как мы немцев с Кавказа отбили, нас направили на освобождение Крыма. Мы наступали со стороны Керчи, а со стороны Сиваша шел 4-й Украинский фронт. После освобождения Керчи пошли на Севастополь, участвовал в штурме Сапун-горы. Надо сказать, в Севастополе немцы показали, как они умеют воевать – у них выхода нет, а они сопротивляются. Вообще здорово они воевали...

После Крыма нашу бригаду направили на 1-й Украинский фронт, на Сандомирский плацдарм. Там я стал командиром дивизиона. Наступали на Берлин, а потом нашу 3-ю танковую армию, армию Рыбалко, повернули на Прагу. Это культурный центр, красивейший город, а немцы хотели его взорвать. Наши, когда узнали про это, отдали приказ армии Рыбалко, и мы повернули на Прагу. Но когда подошли, немцев там уже не было. Позже нам местные рассказывали, как немцы друг друга били. Оказывается, власовская армия, чтобы искупить, пошла против немцев. Одним словом, когда мы подошли к Праге, немцы уже ушли.

Победу мы встречали под Прагой. Приехал генерал Петров, он тогда начальником штаба фронта был, а потом командующим Туркестанским военным округом. Приехал, всех собрал и сказал нам о Победе. Мы растерялись. Что делать? Командир бригады говорит: «Давайте, пить будем». А у нас всегда фляга спирта была, но пьяным я никогда никого не видел. Выпили, отметили Победу.

Спасибо, Аманжол Каликович. Еще несколько вопросов. Перед эвакуацией из Москвы ваше училище в боях участвовало?

Нет. Нас на фронт направили, прибыли в расположение нашей Панфиловской дивизии. Тогда затишье полдня было. Мы только позиции заняли и буквально часов через пять-семь пришел приказ: «Убрать курсантов с фронта!»

На фронте тогда крик начался: «Почему курсантов в бой посылаете?! Их убьют! Офицеров нет, уже всех перебили!» И нас отозвали.

Какое настроение в 1941 году было?

Плохое было настроение. Мы же до войны всегда думали, что воевать будем на чужой земле, а тут... Есть хорошее выражение: «Московская битва разбила миф о непобедимости немецкой армии». Это действительно так. После разгрома немцев под Москвой у нас появилась уверенность.

До этого я думал, что не выстоим. Когда пришли под Москву – прямо все дрожали. Сталин молодец был. Правильно поступил, что остался в Москве.

Какая у «катюш» была тактика?

Нам сверху давали команды, где мы должны развернуться, дивизион, батарея, и туда мы выезжали. Но мы не должны были попадать в плен – после залпа мы сразу должны были уходить. Мы к позициям подъезжаем – в кабине шофер сидит, рядом командир орудия, на машине расчет 7–9 человек. Быстро развернулись, машину не глушат. Перед командиром орудия прибор управления. Только развернулся, командир восемь оборотов на приборе делает, и сразу же уезжаем. Машины немедленно должны были уходить с позиций, иначе нас немцы накрыть могли, так что мы заранее все изучали, все пути отхода.

Данные для стрельбы сами готовили?

Да.

Сложная работа?

Нет. Мы их иногда на ходу готовили. Хотя, конечно, работа очень ответственная. Иногда карты неправильные попадались, могли по своим ударить, так что мы данные с запасом делали, чтобы по своим не попасть.

По своим попадали?

У нас не было. Но если попадали – мы не скажем.

Под Сапун-горой перед нами одна батарея была, она ударила по своим. Но это сразу же заметили и батарею отвели.

В этом командир полка виноват был, отменил расчеты командира батареи... Так тоже бывает. Большие люди тоже ошибаются.

Сами под огонь «катюш» не попадали?

Нет, сам не попадал.

Рассеивание большое было?

Как сказать. Мы же по площадям били, то есть по скоплению войск, по населенным пунктам, где немцы. Там рассеивание не очень важно.

Многие пехотинцы вспоминают, что когда они впервые слышали залпы «катюш», то пугались. Так было?

Да. Когда одиночный снаряд летит, там звук такой – ж-ж-ж. Страшно.

Видели результаты своей работы?

Сколько хочешь. Страшное дело...

Установки в вашей бригаде на каких машинах были?

Сперва на ЗИСах. Но ЗИСы для нас слабые были. Потом пришли «студебеккеры» – прекрасная машина.

У вас в бригаде были установки, которые не монтировались на машинах? Просто направляющие?

В нашей бригаде не видел.

Потери в бригаде большие были?

Нет. Я один раз ранен был, и то по глупости. 30 % потерь – это, считайте, потерь нет. Случайно гибли, как под Крымской, от прямого попадания в штаб.

Снарядов всегда было достаточно?

Да. У нас в бригаде было три линейных дивизиона и один парковый дивизион, который снаряды возил. Проблем со снарядами у нас никогда не было.

Личное оружие было?

Пистолет ТТ.

Приходилось пользоваться?

Нет. Мы тыловые войска.

Какие национальности были в вашей бригаде?

Украинцы, белорусы, татары. Евреи были, начальник штаба бригады был еврей Штальбаум. Заместитель командира бригады, Скирда – украинцем был, командир бригады, Родичев Михаил Матвеевич, – русский. Казахов мало было, во всей бригаде казахов три человека было. Один боец, один командир взвода и я, командир дивизиона. В основном в бригаде русские были. Мы элитными войсками считались, нам сразу при формировании гвардейское звание давали и платили в два раза больше, чем пехотинцам. Сейчас, задним числом, мне кажется, органы работали.

Никаких проблем на национальной почве?

Нет. Мы в войне по трем причинам победили. Первая – руководство партии коммунистов. Второе – дружба народов. Третье – мы перед войной сумели создать промышленную основу. Сейчас перестали говорить – великий русский народ. Сейчас все разошлись по национальным квартирам, я когда в Москве был – нацменом называли, а тогда дружба народов ценилась...

Каликов Аманжол Каликович, третий справа, с однополчанами.

Какие у вас награды за войну?

Два ордена Красной Звезды, орден Отечественной войны. Первый орден получил на Северо-Западном фронте, второй на Сандомире.

Награждали за конкретный подвиг или по совокупности?

По совокупности. Сколько ты убил – я же не пехотинец, я не вижу.

Снабжали хорошо?

Всякое бывало, но мы не голодали. Вся тяжесть на пехоте была, на стрелковых частях.

100 грамм выдавали?

Да. Плюс у нас всегда канистра со спиртом была. Но не напивались. Вот у нас заместитель комбрига, Скирда. Приходил ко мне в дивизион, поговорить надо. Говорим, потом за стол садимся. Он: «Вы знаете, сколько мне надо». Выпивал две кружки, потом перловую кашу ел. Но чтобы кто пьяным валялся – я не видел. У всех нервы были напряжены. Люди даже не болели.

Как вы относились к немцам?

Когда вошли в Германию, в первые дни наши относились так же, как они. У меня был ординарец Григорий Грицко, донбасский шахтер, у него из семьи всех женщин в Германию угнали, брат был убит и Грицко мстил.

Да еще Эренбург всю войну призывал: «Убей немца, если ты не убьешь, он тебя убьет». Не фашиста – немца! Они издевались над твоими родителями – убейте! Дней пятнадцать после входа в Германию такое было. Потом Сталин выступил, сказал, что немецкий народ не виноват. В газете статья вышла, что Эренбург неправ. У нас проводили политинформацию... Но первое время на территории Германии над немцами издевались, иначе быть не могло...

Трофеи брали?

Нам разрешали посылать посылки. По 10 кг офицерам и по 5 кг бойцам. Я две посылки с материалом послал старику, который меня в детдом устроил, и тем самым спас...

С собой что-нибудь привезли?

Ничего не привез. У меня только часы были. А вот Рогалев, начальник дивизиона по хозяйственной части, привез вагон...

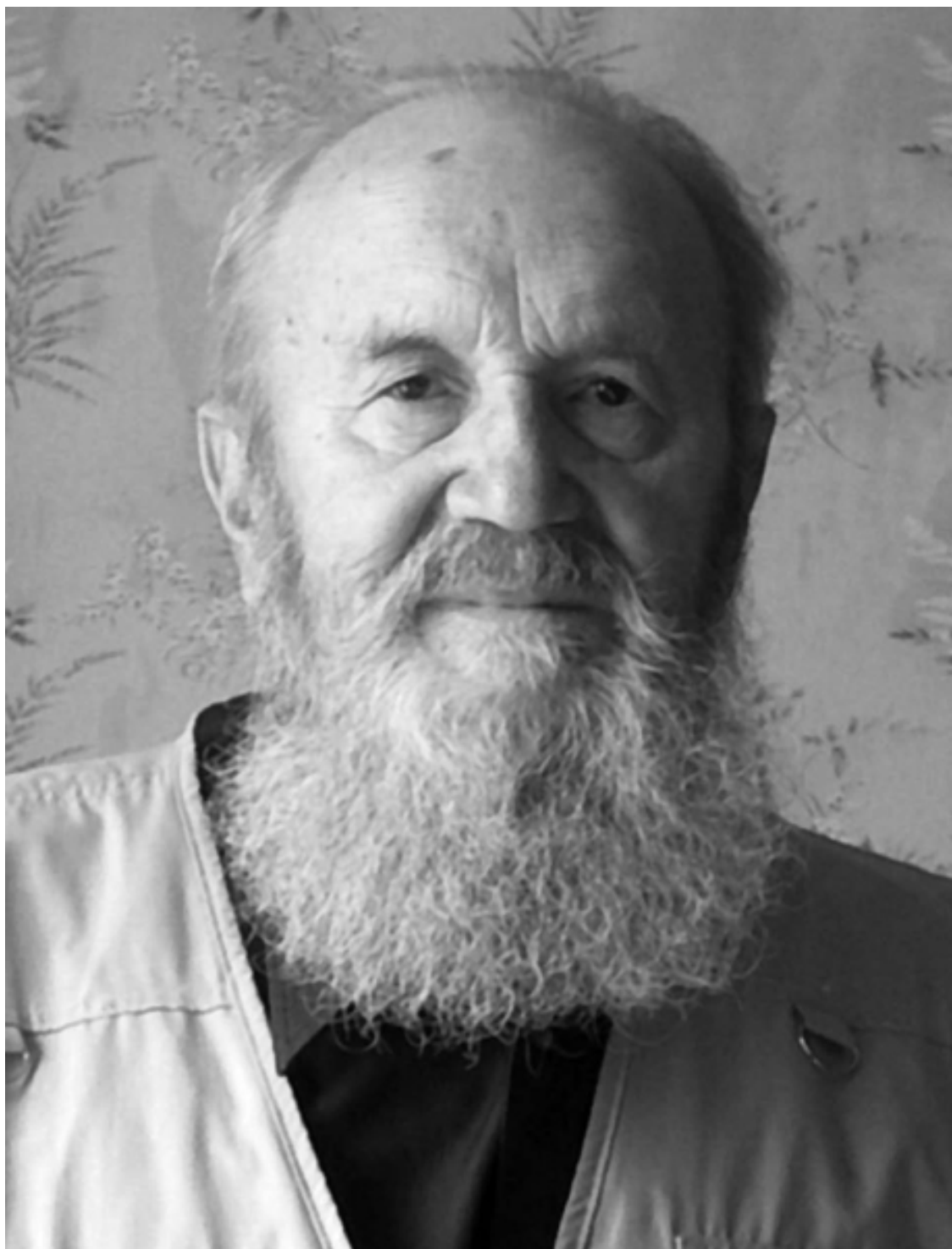
На фронте страшно было?

Война – всегда страшно. Тем, кто говорит, что он не боится смерти, я не верю. Смерти все боятся.

Интервью А. Драбкин

Лит. обработка Н. Аничкин

Каекин Леонид Андреевич

Я родился 13 февраля 1923 года в селе Барское Городище Суздальского района Владимирской области. Два года провел в деревне, а потом переехал в Москву, но, пока был жив дед, я каждое лето ездил в деревню. В 1938 году я поступил в специальную артиллерийскую школу.

Эти школы были сформированы в 1937 году. Первоначально комсомол давал путевки для учебы в этой школе, позже этого уже не требовалось. Мой сосед поступил в эту школу в 1937 году, ходил в форме. Несмотря на то что он на пару лет был меня старше, у нас нашлись общие интересы, и он меня заинтересовал. Тогда эта школа находилась напротив зоопарка,

в нее набрали прекрасный преподавательский состав, математику нам преподавал чуть ли не профессор, да и по другим предметам были великолепные преподаватели.

Кроме общеобразовательных предметов, мы изучали расчеты стрельбы, разные артиллерийские системы, тактику. Летом, на два месяца, мы ездили в специальный лагерь, а также изучали оружие, винтовку, станковый пулемет, ручной пулемет. В лагере проводились стрельбы, мы даже стреляли из 76-мм пушки, правда, холостым. Еще наша школа участвовала в парадах на Красной площади, лично я за три года учебы в школе участвовал в шести таких парадах.

После окончания школы я был направлен в Первое московское артиллерийское училище имени Красина, которое тогда находилось на углу Беговой улицы и Хорошевского шоссе. Нам сперва сказали: «Посмотрите это училище, а потом, если захотите, то пойдете туда». Но как я только туда пришел, нас сразу заперли и не выпускали, а 19 июня, перед самой войной, нам выдали форму, и таким образом я был зачислен курсантом артиллерийского училища.

22 июня началась война. Нас по тревоге вывели на плац. Стоим ждем. Потом нам сообщили, что началась война, и таким образом мы, вместо занятий, пошли в свои казармы. Пришли с понурой головой в казармы, сели у прикроватных тумбочек, говорить ничего не хотелось. Мне что запомнилось: один мой приятель, видимо перевозбужденный, выпил тройной одеколон, а мы после этого его выгнали из казармы, настолько запах разительный был. А мы просто сидели и думали, что будет дальше. Потом пришел командир дивизиона с комиссаром и сказали, что мы теперь будем заниматься не 8 часов, а 12, а, если потребуется, еще и дежурить. В итоге я закончил училище досрочно.

Училище готовило офицеров для тяжелой артиллерии, 122-мм пушки и 152-мм пушки-гаубицы. Для проведения стрельб мы выезжали на полигон в Алабино. Вскоре из числа бывших участников спецшколы была сформирована спецгруппа РС в количестве 25 человек, в состав которой был включен и я. За 3 года учебы в спецшколе мы были хорошо подготовлены по математике и могли за 2–4 минуты сделать полный расчет данных для стрельбы из ствольной артиллерии, а вот чем мы будем заниматься в спецгруппе РС, нам не объяснили. Через несколько дней мы были направлены в ангар, находившийся на территории нашего училища, где находилось новое секретное оружие Красной Армии. Знакомство вызвало у нас неподдельное удивление – на базе автомашины ЗИС-6 мы увидели установку 8-двухтавровых рельс с пазами сверху и снизу и с лежащими на них необычного вида снарядами. Мы сначала удивились – а где же стволы? А потом нам объяснили, что в этом-то весь секрет и состоит. Позже я узнал, что в тот день наша спецгруппа присутствовала на знакомстве с новым оружием и занятиях бойцов и командиров первой экспериментальной батареи РС, которой командовал капитан Флеров. Вели эти занятия два конструктора РС реактивных снарядов и установки БМ-13. Именно эта батарея капитана Флерова и произвела 14 июля 1941 года первый боевой залп из 7 установок БМ-13 по железнодорожному узлу в городе Орша. После этого залпа огненный ураган пронесся по станции, где скопилось много эшелонов с живой силой и техникой противника. По данным нашей разведки, железнодорожный узел Орша был парализован на целую неделю. Когда мы занимались в группе, нам сообщили, что фашистское командование предписывало командирам частей незамедлительно принимать меры для захвата образцов, как они ее называли, автоматической многоствольной огнеметной пушки. Летчикам эскадрильи, летящим на боевые задания, отменялись любые ранее данные задания, если они обнаружат позиции этой огнеметной пушки, и вменялось в обязанности сразу же их бомбить и уничтожать. Вслед за первой батареей стали формироваться еще семь отдельных батарей, а штаб формирования частей РС до 15 октября 1941 года находился на территории нашего училища.

Наша спецгруппа продолжала активную учебу, а также охрану училища и центрального аэродрома, непосредственно примыкавшего к забору нашего училища, выполняла работу по тушению зажигательных бомб и захвату десантников-диверсантов. Во время одного из налетов я был направлен на 5-этажное здание, в который попало три зажигалки. Я их сбросил с крыши,

внизу были мои сокурсники, которые уничтожили их, и вдруг я увидел летящий в мою сторону подбитый самолет. Я спрятался за трубу, обхватил ее, и за какие-то доли секунды перед моими глазами сразу прошла вся моя жизнь. Самолет пролетел метрах в 10–15 надо мной и упал дальше, на аэродроме.

В ночь с 15 на 16 октября 1941 года наше училище было эвакуировано, а нашу спецгруппу 16 октября выпустили лейтенантами. Выдали офицерскую форму, сумку, ремни портупеи, пакет с 5 сургучными печатями и направили в штаб Московского военного округа. Мы приходим туда, а там никого нет, пусто. Потом встретили одного майора, объяснили ему нашу ситуацию, и он сказал: «Езжайте на Курский вокзал. Там обратитесь к коменданту, и он вас отправит в Горький». Мы пошли на вокзал, 16 октября метро уже не работало. Пришли к коменданту, и оказалось, что он не может отправить нас, мест нет. Нам сказали, что если до 23 часов мы не уедем, то поедем уже на следующий день. Мы прождали до 23 часов, уехать не смогли и пошли по домам, большинство из нашей группы москвичами были, а четыре человека, которые не из Москвы были, остались на вокзале.

Москва тогда была охвачена паникой. Я жил на Неглинной, и мне запомнилось, что весь центр был задымлен, жгли документы, которые нельзя вывезти. Недалеко от вокзала у меня жила одна знакомая девушка, и 4 дня, пока нас не отправили, я жил у нее. Когда я в первый день пошел к ней, то хотел купить колбасы. Зашел в магазин, попросил продавщицу взвесить колбасу, а она смотрит на меня: «Возьми сам». Я сперва не понял, говорю: «Отрежьте мне». «Заходи и бери, что надо». Я отрезал такой толстый кусок, килограмма на полтора, и пошел в гости. Рассказал об этом случае матери девушки, так она взяла 2 сумки и пошла в этот магазин. Набрала там столько, я потом попытался одну сумку поднять – так там и для парня трудно было.

Паника была два дня. Не было никакой информации, только слухи, что немцы уже под Москвой, жгли документы. Но к 17 октября паника стала спадать, какой эпизод – если 16 октября метро не работало, позже мы узнали, что его готовили к затоплению, то уже 17 октября я ехал на метро.

В конце концов мы смогли уехать в Горький. По прибытии в Горький мы явились в штаб. В Горьком тогда формировались части, поступали люди из госпиталей, мобилизованные, и их направляли в разные части. У нашей группы был секретный документ, и нам уделили больше внимания. Нас определили в одну из частей, где занимались сортировкой военнослужащих. Мы приехали, нас там покормили, указали, где поспать, а утром мы смотрим – часть общая, не артиллерийская, а нас уже распределить пытаются. Мы ночь переночевали и решили, что из этой части надо бежать. Но как? Мы же находились за забором, с вещами нас не выпускали, нужен пропуск. И мы придумали – офицерская столовая находилась за территорией части, так что мы свои чемоданы через забор передали, а сами пошли, как будто на обед.

Снова пришли в штаб, и там нас разбили на 2 группы – одна группа поехала в Куйбышев, а нас отправили в Семенов, на высшие курсы командного состава артиллерии. По прибытии в Семенов нас сразу направили на учебу на командиров батареи. Курсы были двухмесячные, но где-то через полмесяца меня вызвали в штаб и сказали: «Москва нуждается в срочной помощи, вы катюшечник», – и меня в качестве заместителя командира батареи «катюш» по строевой части направили в город Павлово-на-Оке, туда, оказывается, был эвакуирован штаб формирования гвардейских минометных частей, как теперь стали называться РСы.

Я попал в 7-ю отдельную батарею гвардейских минометов, позже эти батареи были объединены в полки, по 3 батареи в дивизионе, а потом дивизионы были объединены в полки и бригады. Когда я прибыл в батарею, она была уже практически полностью укомплектована людьми – больше половины было из войск НКВД, кроме того, часть моряков-речников. Наша батарея насчитывала 150 человек. Формирование батареи продолжалось еще дня 4, после чего

нас направили под Москву, и числа 10 ноября мы прибыли на фронт и были направлены в Химки.

«Катюши» были секретными частями, и наше использование было построено следующим образом – мы приезжали в распоряжение командующего армией, он отвечал за пребывание нашей части, принимал меры к нашей охране. В зависимости от обстановки нас направляли в корпус или в дивизию, командир батареи получал пакет от командующего артиллерией армии.

Однажды мы приехали на позиции, я сразу часовых выставил, а «катюши», когда они под чехлами, они на понтонный парк похожи. Мы расположились, у часовых приказ – ближе 100 метров никого не подпускать. К нам пехотный майор подошел, его не пускают. Ладно. А его же никто не информировал о том, что «катюши» будут. Пришло время – я дал залп. А пехотинцы где-то метрах в 200–400 от меня были, ракеты через них летят, огонь. И они, от неожиданности, просто разбежались.

После Московской битвы моя батарея вошла в состав дивизиона, и этот дивизион был направлен на Северо-Западный фронт, на реку Ловать, в «коридор смерти». Тогда немцы наступали на Бологое, стараясь перерезать железную дорогу Москва – Ленинград, и надо во что бы то ни стало не дать им это сделать. Вот на этот участок наш дивизион и попал. Там дорога на 70 километров вперед шла, а справа и слева от нас были немцы, в одном месте горлышко этого мешка всего 4 км было.

Там, кроме снарядов РС-132, которые стреляли на 8 км, мы получили еще снаряды, которые били уже на 12 км. Но они были тогда недоработанные. Помню, стреляем, а он прямо на направляющих взорвался. Кого-то из расчета ранило, установку изуродовало, в тех условиях ее отремонтировать было невозможно, и ее отправили в Москву, на ремонт.

На Северо-Западном фронте я пробыл до начала Сталинградской битвы, а потом меня отозвали в Москву. Там формировались новые части гвардейских минометов, в том числе с более мощными установками БМ-31. В дивизион БМ-31 я и попал командиром батареи. В этом дивизионе было 72 установки БМ-31. В отличие от первых установок они были не на машинах, а такими рамами, которые собирались на земле. Где-то с неделю мы пробыли в Москве, получили установки, получили снаряды, снаряд БМ-31 весил 125 кг, их загружали по 10 штук в полуторку, и отправились под Сталинград.

Сначала бои шли не в Сталинграде, а в Придонье. После выгрузки мы получили команду двигаться к хутору Вертячье. Подъезжаем к нему – а там уже немцы. Начали отступать. В день мы десяток населенных пунктов проезжали. Там же как бывало – тебе сказали сюда, приехал, а там части другой армии. Комдив едет связываться, уточнять, а нам уже горячо, нас уже немцы поджимают. Там же страшные бои шли. Я в самом пекле был. Нас там разбили, меня контузило, полбатареи немцы танками раздавили. Меня когда контузило, я видел, как танк прошел в метре или полтора от меня, а потом потерял сознание, меня фельдшер с сержантом вытащили.

В конце концов мы оказались вблизи Сталинграда. Командир дивизиона с одной батареей поехал вперед, в район поселка Рынок, а мне, поскольку я был самый обстрелянный комбат, сказал выдвигаться через 2 часа с двумя оставшимися батареями. И вот я еду, поднимаюсь на горку и слышу – мелкокалиберные пушки стреляют. А комдив мне говорил, что до немцев минимум 15 км, и я думал, что они не могли за 2 часа появиться. Я остановился, колонну оставил, а сам поехал влево, на хутор Ерзовка. Еду на автомашине, нас всего 4 человека было, все спокойно. Тут из здания правления колхоза выходит женщина, я у нее спрашиваю: «Кто стреляет?» «Да это здесь бомбят». Но я же артиллерист, я знаю, что от бомб звук другой. Ну она мне указала дорогу, дескать: «Езжай туда, там высотка будет, мельница, там и осмотришься». Я с полкилометра проехал, вижу – мельница, а около мельницы пара танков и солдаты. Мне и в голову не пришло, что это немцы, и я ехал дальше. И вдруг увидел крест на танке... Я водителю: «Немедленно поворачивай», он машину развернул, а немцы шампанское пьют, ну как же, они к Волге вышли. Увидели машину, дали несколько очередей из автомата, но не погнались.

Я вернулся, только увел колонну, как немцы стали бомбить именно тот район, где колонна до этого находилась. После этого я стал выполнять обязанности командира дивизиона, он же вперед уехал и пропал. До 31 декабря 1942 года я находился в Сталинграде, а потом меня опять вызвали в Москву. В Москве я был назначен командиром разведки вновь формирующейся бригады.

Из Москвы нашу бригаду направили на Курскую дугу. Потом мы освобождали Ельню, Смоленск, всю Белоруссию. Причем там случай был. Наша бригада считалась резервом командующего фронта, и я, как начальник разведки бригады, часто контактировал с командующими гвардейскими минометными частями фронта. Он посмотрел, как исполняю свои обязанности, и через 8 месяцев вызвал меня к себе, в штаб армейской группы, тоже направил начальником разведки. Начались бои за Белоруссию, во время которых убили помощника начальника штаба армейской группы, и на меня взвалили и разведку, и оперативную работу.

У нас там было 5 полков и пара бригад, и надо было со всеми поддерживать связь, решать задачи, как их использовать. Я недели две так поработал, а потом меня вызывает командующий и говорит: «Мы решили тебя оставить на оперативной работе, старшим помощником начальника штаба». Я стал начальником оперативного отделения, а это уже полковничья должность.

В этой должности я работал 8 месяцев, участвовал в освобождении Белоруссии, части Прибалтики, а потом наши части гвардейские минометные из резерва Верховного главного командования переподчинили командующему артиллерии фронта, и командующий гвардейскими минометными частями стал заместителем командующего артиллерии фронта. Мне предлагали должность начальника штаба полка или бригады, но штабная работа мне надоела, и я попросил назначить меня командиром дивизиона. Командиром дивизиона я освобождал Литву, штурмовал Восточную Пруссию – вот там тяжелые снарядыгодились, у немцев укрепления были – стены метр толщиной. Наша бригада была фронтового подчинения, и в Восточной Пруссии был случай, когда я со своим дивизионом за 7 дней побывал в 6 армиях. После Кенигсберга мы пошли на Пиллау, сейчас это Балтийск, и там закончили войну.

Последний залп мы дали в Пиллау, а потом нас перевели поближе к Кенигсбергу, мы размещались за 40 км от Кенигсберга. Там я и встретил Победу. У меня в машине приемник был, я 8 мая, часов в 10–11 вечера, залез в машину, включил приемник и попал на Болгарию, а болгарский язык похож на русский. И я слышу, говорят, что подписан акт о капитуляции. Я из машины выхожу и разряжаю пистолет в небо. Ко мне подбежали, поинтересовались, что случилось, и я сказал, что победа. Что дальше творилось... Раз командир стрельнул, сказал, что Победа... Там такая стрельба началась. Мы прыгали, друг друга похлопывали, радовались, что мы живы.

В Германии мы пробыли месяц, и вдруг наш дивизион подняли по тревоге и отправили на немедленную погрузку. Я-то думал, что война закончилась, все нормально, только учеба осталась, а тут по тревоге погрузили на эшелон и отправили в сторону Москвы. Не доезжая до Москвы, мы оказались в Мичуринске, а оттуда поехали в сторону Алма-Аты. А уже из Алма-Аты, по Турксибу, мы прибыли в Читу, на войну с Японией. Если так посчитать – нас тогда лишних 3000 километров прокатали.

Спасибо, Леонид Андреевич. Еще несколько вопросов. В училище вы принимали участие в тушении пожаров и борьбе с зажигалками, а вообще немецкая авиация сильно Москву бомбила?

Если сравнить со Сталинградом или Курском – нет. Основной вред был в первые налеты. Особенно опасны были зажигательные бомбы. Паровое отопление не везде было, было много дровяных, угольных складов, да еще и дома деревянные были. Поэтому, когда немцы стали бросать зажигалки, пожары в первые дни были сильнейшие. Сперва не знали, как с зажигалками бороться.

Какой средний возраст солдат был?

Вначале были молодые, моряки, военнослужащие войск НКВД. Отбор к нам строжайший был, на каждого можно было положиться. Потом уже и постарше пошли, 45–50 лет, да и отбор вроде как попроще стал.

Я когда дивизионом командовал, у меня начальник химической службы, старший лейтенант был, так он мне как-то рассказал, что до войны был бандитом на железной дороге Москва – Адлер. Я деталей не знаю, но претензий к нему у меня никаких не было. Когда мы ехали в Японию, у меня четверо бойцов сбежали, на стоянке пол проломили, выбрались из вагона и прикинулись, что дрова пилят. Я и послал начальника химслужбы вытащить их, он же железнодорожные правила знал, знал все ходы-выходы. Не знаю как, но он ребят вытащил, и уже в Чите они меня догнали.

А национальный состав какой был?

Очень разнообразный. Процентом 50 были нерусские – буряты, чуваша и так далее.

Никаких проблем на национальном вопросе не было?

Нет. Воевали все одинаково, все были друзья, не было мысли, что кто-то какой-то национальности.

Встречаются упоминания, что под Москвой «катюши» применяли зажигательные снаряды. Это так?

Да. Осколочно-зажигательные снаряды. Немцы дрожали от них. Там, помимо осколочных ранений, все выжигало и раны не заживали.

Какие основные цели для «катюш» были под Москвой?

Главная наша задача – уничтожить все дома, склады и прочее. Тогда был издан приказ – при отступлении все эвакуировать или уничтожить. Очень жестокий приказ. Ничего нельзя было оставлять немцам, но большая часть населения не эвакуировалась. А оставалась, а нас заставляли стрелять по сооружениям, где еще можно жить, или, если колхоз не успел зерно эвакуировать – значит, надо было стрелять по этим домам, складам, чтобы сжечь.

Вы стреляли по домам, а как было с боеприпасами?

У нас особых проблем не было. На «катюши» чуть ли не 50 заводов работало. У нас снаряды были, а вот у ствольной артиллерии были проблемы.

С тяжелой артиллерией вообще сложно было, чтобы везти ту же пушку-гаубицу, нужен трактор, горючее для него, а с горючим плохо было. В обороне им снарядов давали – 1–3 на пушку, а только для пристрелки требуется минимум пара снарядов. Для того чтобы попасть, нужно захватить цель в вилку, а потом уже третьим снарядом бить, а у них всего было 1–3 снаряда на пушку... Вот это трагедия была.

Встречается упоминание, что во время войны «катюши» минировали. Это так?

Да. Был ящик 25 килограммов тола, а иногда туда все 50 клали. Ставился он сзади кабины водителя, там скамейка была, на которой расчет ехал, а под скамейкой взрывчатка.

1941–1942 год, немцы у Москвы, у Сталинграда, на Кавказе не было ощущения, что страна погибла?

У меня не было, потому что я был настроен как военнослужащий, защитник, патриот. Но патриотизм мой иссяк, когда я видел, как нас встречали после Японии. Мы когда из Мань-

чжурии вернулись, три дня стояли на станции без внимания, никто не встречал. Чувство было отвратное.

В 1942 году был издан приказ № 227 «Ни шагу назад». Вы с ним сталкивались?

Да. Слишком жестокий приказ был, но, с точки зрения той обстановки, может, и необходимый. Был случай в Сталинграде. Я шел с наблюдательного пункта, нас, артиллеристов, не задерживали, и вдруг я заметил одного солдата с винтовкой, который шел метрах в 300–400 впереди меня. Он шел с винтовкой со штыком. Там какая-то ложбинка была, и он из виду пропал. А когда я до этой ложбинки дошел – вижу 6 солдат стоят и офицер, и этот солдат, который передо мной шел, стоял на коленях. Я только поравнялся с ними, а ему пулю в голову и еще выстрел. Когда я прошел, меня заколотило так, потому что живой человек, никем не судим... Такой вот пример жестокости, поэтому я не знаю – прав этот приказ или не прав...

Выполнение этого приказа обеспечивал особый отдел – Смерш. Кроме того – у вас секретная часть. Какое отношение к Смершу было на фронте?

По-разному. В бригаде были особисты, приходили ко мне, выпивали. Я в их работу не вмешивался. А какая у них работа – я только догадывался, меня это не касалось.

Как на фронте относились к замполитам?

По-разному. Ненавистных в бою стреляли, пуля-то летит дура, кто знает, чья она...

У меня два замполита были. Первый – доцент Одесского университет по политэкономии. Мы с ним в одной машине жили, хороший человек. Второй... Когда поехал на войну с Японией, я другой дивизион принял. Так замполитом был бывший секретарь райкома, он дружил с начальником политотдела бригады. Так вот, и тот и другой – они боялись на передовую ходить. Вызываешь, не в приказном, дескать: «Приходи, посмотрим», обязательно занят. Это много характеризует.

Первоначально у вас были ЗИСы, а «студебеккеры» ваша часть получала?

Да. Прекрасные машины, по сравнению с ЗИСом – в 100 раз лучше.

Вообще, мы дружили с Америкой и Англией, и надо быть им благодарным за помощь, а у нас до сих пор молчат и говорят, что они враги. А они нам колоссально помогали. Мы американскую свиную тушенку ели не только во время войны, но и после. Причем не только солдаты ели, но и мирное население.

А вообще как на фронте кормили?

Нормально. Только на Северо-Западном фронте, в «коридоре смерти» – там сложнее было. Продовольствие было, но его невозможно было доставить. Помню, у нас в дивизионе бочка водки на 100 литров была, там сперва часовой стоял, а потом, когда голодуха была, часового сняли и никто не подходил. Если бы человек выпил 100 грамм – он бы умер. Такой голод был, что человек в сознании не возьмет водки.

Мы там в поле ходили, картошку искали, хоть мороженую, чтобы хоть оладушек сделать. Там случай был, я одному солдату свои шерстяные брюки отдал. Он убил тетерку, а мне так есть хотелось... Я мог ему приказать, но мне стыдно было, он же такой же голодный, как и я... И я отдал ему свои офицерские шерстяные брюки: «Возьми, но дай мне поесть»...

А 100 грамм выдавали на фронте?

Обычно выдавали перед боем.

Как часто мылись на фронте?

В 90 случаях из 100 мылись перед боем. И меняли белье. Но регулярно мыться не получалось. Вша нас поедом ела. Утюгом когда белье и форму гладишь – гниды аж трещали.

А как со вшами боролись?

Прожаривали. Накаляли специальные баки и в них прожаривали.

Женщины в части были?

Сперва нет. В 1944–1945 годах стали появляться.

Какое отношение было к немцам?

Противник есть противник, враг есть враг. Но когда его в плен взяли – должно быть отношение как к человеку. Был у меня случай, когда я был начальником разведки, взяли 6 пленных, радистов, с рациями. Пятеро быстро поняли, куда попали, а один, молодой лет 18 – патриот своего рейха. Офицер проходит – он вскакивает: «Хайль Гитлер!» Я его назвал политический волчонок, он не понимает, куда он попал, не понимал, что у нас эта пропаганда не пройдет, там же люди старше его были. И вот так он часов 6 прыгал. На него сперва не обращали внимания, а потом одному надоело, и он его убил. Но не из ненависти, а надоел.

А какое отношение было к местному населению в Прибалтике и Восточной Пруссии? Как вы относились к местному населению?

В Восточной Пруссии нам сразу сказали: «Ничего не трогайте. Это все наше будет». Нельзя мародерничать, разрушать.

А в Прибалтике местное население к нам плохо относилось. Причем не только в Прибалтике. На Северо-Западном фронте был такой случай – наши советские граждане, колхозники. Им немцы вроде как поддержку оказывали, бревна давали, лошадей колхозных, чтобы они дома строили. А тогда мы как раз голодали. Еду у местного населения попросишь – не давали. Говорят: «Немцы нам давали, а вы берете»...

Нас как-то погнали, я впереди колонны еду, стою на подножке машины. Вижу в лесочке старика с бородой в шапке, а на шапке красная ленточка, так партизаны себя отмечали. Я обрадовался, а потом присмотрелся – он по мне из автомата очередь дал, хорошо, что упреждающе, по капоту машины. Я вижу, что этот паразит пули в меня пускает, захлопнул дверь, сел. Водитель не знает, то ли убитый я, то ли нет, а у меня все оборвалось. По мне наш стрелял... «Вы отбираете у нас жилье, а немцы дают»... И в Прибалтике немцы многих подкупили, и там много сторонников немцев стало. А наши не могли такую помощь давать, бедные были.

Когда вы узнали, что едете в Японию, какое ощущение было?

Когда на Дальний Восток ехали, мне пришлось один вагон выделить. Я тогда человек 40–50 арестовал, люди поняли, что мы на войну едем, не отдыхать.

Последний вопрос: как во время войны относились к Сталину?

Уважали. Сейчас забывают о его роли. Один только штрих – во время войны цены на хлеб и продовольствие держались на одном уровне, не было никаких повышений. А когда война окончилась, Сталин 9 лет подряд снижал цены, каждый год. Эти детали не надо забывать.

Спасибо, Леонид Андреевич.

Интервью и лит. обработка. Н. Аничкин

Бубнов Александр Михайлович

Я родился 7 февраля 1924 года в деревне Батулино Талдомского района Московской области. Отец у меня был пожарником, а мать работала на заводе. В 1937 году моего отца арестовали, и мне пришлось пойти работать. В 1940 году я окончил 7 классов и уехал в Москву, к своей тетке, младшей сестре отца. Ее муж работал на заводе, а потом взяли его в МГБ. Он меня устроил на Московский кислородный завод автогеностроения медником.

Поскольку он работал в МГБ, то домой он приезжал поздно и всегда мне говорил: «Саша, гуляй, не стесняйся», – я жил с ними, у меня была своя большая, 22 метра, комната. В апреле 1941 года дядю направили в командировку в Ригу. 21 июня он вернулся из командировки. Вечером мы собрались за столом, песни пели. Утром он встал и попросил сходить меня в магазин. Я сходил в магазин и на рынок, и тут по радио началось выступление Молотова. Сразу началась паника, а по Варшавскому шоссе было много военных штабов, и, наверное, военных вызвали в свои части, они ехали, все с сигналами, а народ разбежался по магазинам. Я пришел домой, а дядя поехал в свой наркомат. Его опять обратно в Ригу, а ночью 27 июня он вернулся, весь грязный. До Риги он так и не доехал, сумел добраться только до Минска. После возвращения его направили в Куйбышев, куда он уехал с семьей, и я остался один.

После начала войны я продолжал работать на заводе и одновременно вступил в пожарную охрану, в случае воздушной тревоги мы занимали места на крышах, чтобы сбрасывать зажигалки.

Наш завод вырабатывал кислород, которым снабжал всю страну. Однажды, во время бомбежки, у нас на заводе возник пожар, и огонь подбирался к складу с баллонами с кислородом, а взрыв одного баллона – это взрыв килограмма взрывчатки. Кроме того, загорелся газовый цех. Я влетел в цех, газ пережал, а потом побежал тушить склады, в том числе те, на которых хранились бутылки с кислотой. Ну и пока тушили пожар, некоторые бутылки лопнули и меня обожгло кислотой.

16 октября в Москве началась паника. Москвичи бежали по Горьковскому шоссе, гнали скотину, у кого машины были, пытались уехать на машинах.

Наш завод был эвакуирован, однако я со своей бригадой остался в Москве. Сперва мы просто охраняли завод, а потом стали варить противотанковые ежи. Также на нашем заводе было развернуто производство автоматов и гранат.

Правда, еще до этого я хотел уйти в партизаны. Я с двумя друзьями приехал в свою деревню, три дня там прожили, а потом нас заметил комендант и хотел направить на трудовой фронт, но мы сумели убежать и вернуться в Москву, на завод.

В июне 1942 года меня призвали в армию и направили в Ленинград. В Ленинграде я пробыл 2 месяца, а потом меня направили в лагерь под Йошкар-Олу. Там мы пробыли месяц. Кормили там ужасно. Приехали мы туда на праздник, и вроде нормально было. А потом началось... Мы после занятий приходили и даже в столовую не могли идти.

Из лагерей нас направили в Москву и разместили в Октябрьских казармах. Тогда там формировались дивизионы «катюш», и я попал в такой дивизион, командиром расчета боевой установки М-30/31. К нам в казармы пришел такой майор или полковник. Смотрит на нас и говорит: «Куда мне вас девать? Вас кормить 3 месяца надо!» А потом прошел вдоль строя и каждого в грудь толкал. Устоял – отойди, упал – не подходишь. Те, кто устоял, попали в дивизион и остались в Октябрьских казармах, а непрошедших увезли куда-то в другое место.

Кроме нашего дивизиона, в Москве было еще 3 дивизиона, и вот эти 4 дивизиона были объединены в бригаду, и осенью 1942 года бригаду направили на Западный фронт, к Жукову.

Наша бригада освобождала Калужскую область, Орловскую область, Белгород, Смоленск, Ржев. Дошла до Орши. С ходу мы взять Оршу не смогли, у немцев была мощная авиация,

они получили подкрепление. Но ко второму наступлению мы здорово подготовились. К нам поступило пополнение, ребята 1925 года.

Огневые позиции нашей бригады размещались справа и слева от дороги, и вот когда наша пехота, в первую очередь штрафники, ворвались в Оршу, то там они и завязли. Подкрепления не было, наши танки подбили, а немцы нанесли удар по позициям нашей бригады. В результате этого обстрела было разбито много машин, погибло много солдат, и нашу бригаду отправили в Москву на формирование.

В ноябре 1943 года мы приехали в Балашиху. Мы получали пополнение и готовились. Пробыли мы там до февраля 1944 года, получили новые машины, рамы, а потом нас отправили в Кандалакшу.

Приехали туда, а там везде сопки, леса. Неделю мы ждали, пока нам расчистят дорогу, после чего выехали на огневые позиции. За ночь оборудовали позиции, притащили туда боеприпасы, зарядили и замаскировали установки и легли отдыхать. Рядом с нами офицеры были, у них палатка трофейная была, а мы тут разговаривали, кто как в Москве отдыхал. А утром команда: «Сняться с огневых!» Ну что, мы начали разряжать установки, чтобы отвезти снаряды, нам дали лошадей.

Батарея с позиций снялась, а я остался, проверил огневые, взял всякую мелочь, которую ребята забыли, и поехал в тыл. Вдруг летят штук 6 самолетов. Я лошадь бросил и под камень, а в это время начальник штаба и замполит решили отметить день рождения в той самой трофейной палатке. Ну и палатку разбило... Меня из-за камня выкинуло, я метров на 150 отлетел. Очухался, гляжу – все черно... Все наши огневые разбиты... Я стал выползать и наткнулся на начальника штаба, он в живот был ранен. Он мне все говорил: «Бубнов, пристрели меня». А я говорю: «Товарищ капитан, будете живы». Я его как-то до дороги дотащил, а там погрузил на сани, и его отправили в госпиталь. В результате этой бомбежки погибло человек 50.

Потом нам прислали пополнение, и с Кандалакши нашу бригаду перебросили на Петрозаводск, там готовилось наступление. Наша бригада участвовала в освобождении Карелии, а когда мы подошли к норвежской границе, нас дальше не пустили. Мы какое-то время еще пробыли там, ездили в Мурманск разгружать пароходы, а потом нашу бригаду опять отвели в Москву.

Разместились мы в Люберцах. Там мы получили новые установки, уже на машинах. При чем сперва мы получили рамы, а машины в Ярославле задержались. Потом они пришли, и мы монтировали на них рамы. Пока получали машины, у нас шли разговоры. Все понимали, что мы снова на фронт поедem, но говорили: «Если влево поедете – то в Японию поедете, а если прямо – то на Западный фронт». В конце концов, мы получили машины, пополнение, погрузились в эшелон и отправились на запад, в Польшу.

В Польшу мы прибыли к Новому году, тогда как раз Висло-Одерская операция готовилась. В это время пришел приказ направить меня в офицерское училище. Но я сам не пошел, потому что боялся, что копнут, узнают про арест отца, и я послал своего наводчика.

Мы были на 1-м Белорусском фронте, которым тогда командовал Жуков, и он приезжал на позиции нашей бригады. Во время наступления мы прошли Польшу, вышли к Одеру и остановились, западнее Кенигсберга немцы смогли задержать наши войска, и нам приказали оказать им помощь. Какое-то время пробыли там, а потом нас опять на Одер вернули. Там тогда столько войск собралось, чувствовалась подготовка.

В конце концов мы перешли в наступление. Причем, что интересно, мы обычно на рассвете залп давали, а тут ночью. Жуков придумал хитрость с прожекторами. Мы дали залп, а потом включились прожектора, немцев ослепили, и мы пошли. 1 мая 1945 года мы были уже в Берлине. Последний залп мы дали в 2 часа ночи по Рейхстагу. Приехали, дали залп, а утром все закончилось, немецкий гарнизон капитулировал.

3 дня пленные шли, а на 4-й нас по тревоге подняли и на станцию, грузиться в Японию. Простояли мы там до 9 мая и в Японию так и не поехали, остались служить в Германии. Сперва мы близ Франкфурта-на-Одере стояли, а потом, в сентябре, нас перебросили в Бранденбург. Тут началась демобилизация, из армии увольнялись старшие возраста, и некоторые части расформировывались. Попала под расформирование и наша 25-я отдельная гвардейская ордена Суворова, ордена Кутузова, тяжелая минометная бригада. Меня и еще 10 человек перевели в Особую бригаду, которая была сформирована на базе 92-го минометного полка. Эта бригада занималась ракетами ФАУ-1 и ФАУ-2, которые мы у немцев захватили. В задачу солдат входила переброска этих ракет и оборудование пусковых столов. В Германии мы произвели два залпа. Один удался, а второй нет, ракету пришлось расстрелять. К нам еще Королев приезжал, несколько ракет в Москву увез. Так я и продолжал служить в Германии до демобилизации в 1948 году.

Спасибо, Александр Михайлович. Еще несколько вопросов. Когда вы узнали о начале войны – какое было ощущение: что война будет быстрой и победоносной или было ощущение, что война будет тяжелой?

Тяжелой. Потому что техника у нас была не та, тяжелая промышленность, станкостроение хуже немецких работали.

Многие ветераны вспоминают, что в начале войны молодые люди непризывного возраста шли в военкомат с просьбой отправить их на фронт. Вы с этим сталкивались?

Да. Я сразу же пошел в военкомат, но меня направили не на фронт, а в штаб пожарной охраны.

В пожарной охране у вас какое-то оборудование было?

Ничего не было у нас. А на заводе – ну обычный пожарный щит на каждом посту был.

Немецкая авиация сильно Москву бомбила?

Сильно. Особенно сильно бомбили Ленинградское шоссе.

Александр Михайлович, в 1942 году вы попали в Ленинград. Не могли бы сравнить паек мирного населения Ленинграда и войск?

Паек был одинаковый. Когда нас привезли, нам выдавали три сухаря и 70 грамм селедки. И все.

Когда вы попали в лагеря, не было отношения к постоянному составу, что они там окопались, чтобы на фронт не попасть?

Нет.

В гвардейских минометах вы попали на установку БМ-30/31?

Да. Такая рама на 4 снаряда. Поднималась градусов на 35–40 и так стреляли.

Первоначально мы стояли прямо за пехотой. Снаряд М-30, который тогда у нас был, бил всего на 1600 метров. Мы ночью сзади пехоты установки ставили и маскировали. Команда и залп.

Позже к нам стали поступать снаряды М-31, они уже до 6 км били, и нас уже во втором эшелоне стали размещать.

Машины у вас в бригаде были?

Да, ЗИЛ-5. Они предназначались для перевозки снарядов, рам. К передовой машины не подходили и, когда у нас М-30 были, мы километра 3–4 на плечах снаряды тащили.

Встречается упоминание, что немцы открывали сильный ответный огонь по позициям «катюш».

А как же, открывали. Но особых потерь у нас не было. Во время артподготовки мы давали первый залп, потом подключалась ствольная артиллерия, а мы перезаряжали установки и еще залп. И так всю артподготовку, а она часа 2 длилась.

Сколько человек в расчете?

Семь. Командир, наводчик, четыре заряжающих и водитель.

Какой был средний возраст расчета?

Ровесники. Может, на 2–3 года постарше.

А национальный состав?

Все были, и казаки были, и татары, и евреи, всякие.

Я встречал оценку солдат-азиатов, что они не очень хорошо воевали? Вот как ваша оценка?

Все рвались защитить родину.

У вашего расчета какое было личное оружие?

Карабин или автомат.

Приходилось личное оружие применять?

Нет. Куда их применять. Они только мешали, и мы их снимали. Один раз случай был. Мы работали, карабины сняли, и тут тревога. Кто-то побежал, все оружие на машину побросал и уехал. Я к старшине приехал, говорю: «Давай меня на передний край. Надо же что-то искать, заменить».

За утерю оружия наказывали?

Конечно. Я потому и просился на передний край, чтобы заменить карабин. Нашел там, мне старшина номер переписал. А в конце войны мы обзавелись немецкими автоматами.

Перед Висло-Одерской операцией вы получили установки на машинах. Какие это машины были?

«Студебеккеры». Они по сравнению с нашими – небо и земля. У нас до этого ЗИЛ-5 были, так у нее проходимость никакая. Ее, чтобы вытащить из грязи, – танк нужен.

Встречается упоминание, что мобильные установки минировали. Это так?

Первое время, когда только появились, да, минировали. В случае чего подрывали. Но у нас этого уже не было.

Садись в машину и ехали. Когда машина готова – брезент собирается, поступает команда – градус такой-то, поворот. Устанавливаешь все это, садишься в кабину и открываешь огонь. Я водителя выгонял, лучше уж одному погибнуть.

Какие-нибудь ЧП с машинами в бригаде были?

Да. Иной раз смотришь – снаряд не пошел. У нас в бригаде так двое погибли. Снаряд не сошел, а пульт не выключили. Ребята подбежали посмотреть, а тут двигатель сработал, они и сгорели. У нас два случая таких было.

Как бригада действовала в Берлине? Это же город, там «катюше» трудно развернуться.

По-разному. И с машин били, а случалось, снаряды просто затаскивали в окна. Закрепляли и били.

Даже без рам?

Да. Без всего. Прикрепляли к снаряду бикфордов шнур и поджигали его.

3 мая ваша бригада получила приказ готовиться к отправке в Японию. Какое ощущение было? Война кончается, а вы снова на войну.

Старались не думать. Заниматься своим делом.

Мы вообще старались не думать, что в любой момент можем погибнуть.

Александр Михайлович, вас призвали в 1942 году. В июле 1942 года был выпущен приказ № 227 «Ни шагу назад». Вы о нем знали?

Нет.

Под Кандалакшей в вашей бригаде погиб замполит. А вообще, на передовой вы часто замполитов видели? Как к ним относились?

Тот, что погиб, он никогда на передовой не был. Начальник штаба к нам приезжал. Огневые осматривал, распределял секторы стрельбы, а замполита мы не видели. Только вот первый раз приехал и погиб.

А другие офицеры, замполиты?

У нас офицеры были как отцы. Ну и побаивались они. Если солдаты тебя невзлюбят, могут ведь и кокнуть незаметно. Так что все офицеры относились к нам уважительно.

А со Смершем сталкивались? У вас же отец был репрессирован, а вы служили в секретной части.

Сталкивался. Мы тогда до Орши дошли, ко мне дневальный прибегает, говорит, вас в Смерш вызывают. Я сразу понял, что он про отца докопался. Пришел, а он мне говорит: «Ну садись, давай чайку. Ну как у тебя». Я отвечаю, что все нормально. И мне: «А у вас родители где?» «Мать в деревне, брат, сестра, а отец в 40-м году умер». «Как умер?» «Не знаю. Мне мать сказала умер». «Нет, он у вас не умер, он арестован». «Не знаю, мне мать сказала, что умер в 40-м году, перед войной». «Давай со мной в контакте работать», ну то есть стукачом. Я думаю – нет. Он мне говорит: «Я тебя пошлю учиться», – а я ни в какую, так и не дал согласия. В Кандалакше он меня вызывает: «Ты не информируешь, я тебя в разведку направляю!» Я говорю: «Пожалуйста. Я с вами в любую разведку пойду». Больше он меня не вызывал, но награды стал зажимать.

Вам награды зажимали, а как вообще награждали?

В первую очередь давали офицерам, нам что останется, чаще всего «За отвагу», «За боевые заслуги». С наградами у нас туго было. Да оно и сейчас так же.

Как вас кормили? В блокадном Ленинграде, понятно, плохо. В лагерях тоже плохо, а когда в гвардейские минометы попали – как кормили?

Когда в Октябрьские казармы попали – вот тут нас кормили! Сам начальник приходил, проверял, чтобы ложка стояла. Приходил и на завтрак, и на обед.

А на фронте как кормили?

Хорошо. На переднем крае не очень, днем-то кухню не доставишь, только ночью. А так хорошо.

А 100 грамм выдавали?

Перед боем.

Как вы на фронте мылись?

Первое время у нас бань не было. Позже уже к нам приезжали армейские бани, машины для прожарки одежды. А в Москве у нас как-то такая прожарка сгорела, и вся одежда в ней. Кто-то, наверное, спички в кармане забыл. А летом – если была река, в реке мылись.

Женщины в бригаде были?

Были, санитарки.

А какое было отношение к ним, были ли на фронте романы?

Были. У нас, солдат, не было, а офицеры – другое дело. Но потом пошел разврат, неприязни, и комбриг отправил их.

На фронте вы деньги видели?

Нет. У нас был оклад 15–20 рублей, мы на оборонный займ подписывались. Табак нам выдавали. На фронте деньги куда девать? А после войны служил в Германии – там оклад хороший был, сто с лишним рублей. Кроме того, за награды платили. Я деньги на книжку клал.

В Германии платили в рублях или в марках?

В марках, а потом обменивали.

Ваша бригада прошла Польшу и Германию. Какое было отношение к местному населению и как местное население относилось к вам?

Первое время все боялись. Идешь, смотришь – они в переулке собираются, подходишь к ним, а они уходят и не найдешь их. А потом стали приходиться на кухню, есть.

А в Польше как местное население относилось?

Там хуже, там бандеры. Там очень опасно было.

Мародерство было?

Было. Но у нас поменьше. У нас очень строгий приказ был: за мародерство – расстрел на месте. Но трофеи брали. Мы в Германии первое время своей кухней не питались. Только трофеями. У немцев в подвалах банки с едой, дашь немцу покушать, не отравлено ли, а потом сами ели.

В Германии было разрешено отсылать домой посылки. Вы их посылали?

Да. Я две посылки своему дяде отослал.

Достаточно долгое время вы воевали под командованием Жукова. Как вы его оцениваете?

Если бы не Жуков – нам победы не видать. Он строгий был, наказывал, но он нас очень жалел и берег. Мы все гордились, что у Жукова воевали.

Интервью А. Драбкин

Лит. обработка Н. Аничкин

Хорев Михаил Гаврилович

Я родился 10 января 1921 года во Владимирской области, вблизи древнего города Муром. Учился в начальной школе в деревне, а в средней школе уже в самом Муроме, в школе номер 5.

Окончив 8 классов, я поехал в Москву и поступил в техникум, но проучился всего два года. В 1938 году молодежь призывали идти в артиллерию, авиацию. Я готовился в авиацию, даже несколько раз прыгал с вышки, а вот с самолета прыгнуть не удалось, хотя я к этому готовился. Но к нам в техникум как-то приехал артиллерист, которому удалось убедить меня поступать в Рязанское артиллерийское училище. Осенью 1940 года я, по первому разряду, окончил училище и был направлен в 360-й полк резерва Верховного командования. Мы с моим другом Володей Рогозиным попали в первую учебную батарею. Что характерно, она была укомплектована лицами, которые имели в свое время отсрочку для обучения, но тут, по приказу министра обороны, для восполнения потерь командного состава, в том числе младшего, были призваны и люди с высшим образованием, так что в батарее 50 % было с высшим образованием, 50 % с законченным средним образованием, даже два кандидата наук было: Шульберг, кандидат наук и доцент астрономии Одесской обсерватории, и Ларин, который был кандидатом исторических наук. Так что мы не только учили их артиллерийскому делу, но и учились у них. Я был групповод по марксистско-ленинской подготовке, а тут такой исторический муж. Так я без разрешения замполита поручал Ларину читать лекции. Он такие подробности рассказывал, о которых я даже не слышал.

Через год мы должны были выпустить их командирами, но, к сожалению, началась война, и мы не сумели их выпустить.

Надо сказать, что мы чувствовали приближение войны, чувствовали, что обстановка накаляется, но в какой-то степени нас успокоил Договор о ненападении 1939 года.

В учебной батарее мы тщательно изучали опыт войны Германии с Францией, с Англией, делали выводы.

Для нас война началась уже 22 июня, мы тогда находились в лагерях, в 70 километрах от нашей границы, но о войне мы слышали только в 12 часов, когда по радио выступил Молотов, потому что немецкие диверсанты сумели нарушить нашу связь со штабом округа.

В лагере я был на должности заместителя командира батареи, и вот 22 июня меня, после завтрака, вызывает командир батареи и дает мне указание провести соревнования по кроссу между взводами. Мы побежали три с половиной километра до озера. Добежали до финиша и получили команду: срочно вернуться. В 12.00 все собрались в полевом клубе и вот только тогда узнали о начале войны.

Собрали митинг, на котором выступали наши офицеры, солдаты. Надо сказать, в то время доктрина была выражена еще Ворошиловым – малой кровью на территории противника, в таком вот ключе и выступали. Наш замполит закончил свое выступление призывом: «Да здравствует берлинское пиво!!!» Я никогда этого не забуду.

После митинга командир нашего полка, очень солидный полковник, таким зычным голосом: «А теперь слушай мою команду – боевая тревога! Всем выйти в запасные районы сосредоточения».

К 14 часам боевые подразделения нашего полка, в том числе моя батарея, входившая в 1-й дивизион, которым командовал Герой Советского Союза капитан Большаков, вышли в запасные районы сосредоточения. А там кругом лес был, мы только вышли, начали маскировку и вдруг видим – над нами пролетели немецкие самолеты и начали бомбить наш лагерь, а там еще тыловики находились, они не успели выйти. Мы только и видели, как наши палатки поднимаются и летят в воздух!

С началом темноты мы пошли вперед, а утром 24 июня развернулись на позициях и открыли огонь.

В течение целого месяца мы сдерживали противника, правда, отступая с рубежа на рубеж, а в середине июля немцам удалось окружить наш корпус. Тогда тяжелый бой был, мне пришлось даже перейти на наблюдательный пункт, командир батареи был тяжело ранен, и там осталось два неопытных офицера, но когда нас окружили, командир дивизиона приказал мне и командиру третьей батареи вернуться к огневикам, там основная масса людей и боевой части, а я, говорит, возглавлю взводы управления.

Я направился на огневые позиции, а немцы в это время как раз их бомбили, в результате, когда я прибыл, все были в траншеях, укрытые и потерь практически не понесли, только один младший лейтенант, командир второго взвода, с группой решил уйти из-под бомбежки, и вроде того, как самостоятельно выйти из окружения.

Когда бомбежка прекратилась, я скомандовал: «По машинам!», чтобы ехать вперед, мы готовились к прорыву из окружения. Все заняли свои места, а одного младшего лейтенанта нет. Кричали, стучали, и я принял решение – командиру третьей батареи возглавить нашу армаду, а я останусь искать лейтенанта. Я на быстроходном тракторе долго его искал, до тех пор пока меня не встретил командир батальона прикрытия, Ковалев, мы потом с ним из окружения выходили. Он говорит: «Лейтенант, вы что тут делаете?» Я ему объяснил и он мне: «Я ваших людей не видел. Прошу вас, идти вперед, либо я могу плохо о вас подумать». Никогда не забуду его слова.

Я был вынужден сесть на трактор и – вперед. Подъезжаю к деревне, а оттуда возвращаются две бронемшины. Мы на перекрестке встретились, и мне говорят, что немцы проход закрыли. Мы решили обходным маршрутом, по лесным дорогам выйти к своим. Так и поехали. По пути встретили медсанбат, четыре машины, там легкораненых был целый взвод, а у меня у трактора прицеп был, и я их посадил в свой прицеп.

Остановились, когда у меня закончилась карта. У нас в колонне старший лейтенант-танкист был, мы к нему подошли, а он и говорит: «Лейтенант, у вас карта есть?» «Есть. Но она закончилась». И у него закончилась. Решили, раз дорога идет на восток, то и нам туда.

Я замыкающим был и вот, только я подошел к своему трактору, как по нам немцы открыли интенсивный огонь, мы в засаду попали, правда, непонятно, почему они не стреляли, когда все командиры собрались на совещание. Мои легкораненые, под прикрытием бронемшин, побежали вперед, а я остался с разведчиками и трактористом. Смотрю, справа и слева к нам бегут немцы, некоторые мои солдаты уже подняли руки, немцы их шуруют, а у меня даже мысли не было сдать в плен, я даже не представлял, что это такое. Я приказал разведчику: «Гранаты к бою!», и он по левой группе нанес удар, а я по правой. Немцы залегли, и мы решили бежать.

За мной два немца погнались, они по португее поняли, что я командир, и хотели меня захватить, но я физически крепким был и сумел обмануть их своими маневрами. Затаился, они пробежали мимо, а тут уже темнота наступила.

На другой день я вышел к широкому оврагу, который шел на восток, и решил, что по нему наши выходили. Пошел через него, и через какое-то время меня остановили: «Стой, кто идет?!» Я представился. Оказалось, это остатки батальона прикрытия Ковалева. И мой разведчик был там, он решил отвлечь на себя немцев, но они побежали за мной, а разведчик вышел на эти остатки. И вот с этим батальоном, 60 человек, прошлись рейдом по тылам врага, нападая на отдельные гарнизоны. Один раз мы захватили батарею, которая занималась огневой подготовкой. Смотрим, на опушке леса 4 орудия, и решили внезапно напасть на них из леса. Большинство перебили, ну, некоторые убежали. А в батальоне, кроме меня, еще артиллеристы были, и я использовал все имеющиеся у меня снаряды по большому населенному пункту. Стреляли до тех пор, пока из этого населенного пункта в нашу сторону пошла колонна броне-

машин, тогда мы решили ретироваться. Мы взорвали эти орудия и начали отступать. Немцы нас преследовали, по-моему, дня полтора, а потом мы от них оторвались.

Один раз, когда я в передовом дозоре был, мы входили в большой населенный пункт. Там дорога, смотрю, на дороге две повозки и три фрица сидят, курят. Почему они там остановились, не знаю... Мы подкрались к ним и своими ножами их уничтожили. Когда подошли главные силы, мы стали смотреть, что же в повозках, а там богатые трофеи: две фляги меда, несколько мешков сухарей, приемник. Мы выпрягли лошадей, а сами взяли этот мед и пошли дальше. Шли весь день и всю ночь, все волокли этот мед. А потом вышли на ручей, там маленький был ключ и ручеек, хорошая чистая ключевая вода. Командир батальона решил сделать привал. И тут мы насладились вдоволь этим медом.

Привал был целые сутки, мы отдохнули, подкрепились и пошли дальше. Подошли к линии фронта, а тогда как раз завершилась Смоленская битва и немцы перешли к обороне.

Мы очень удачно вышли к линии фронта, форсировали небольшую речушку, а дальше такая топкая пойма была, немцев там не было, оказалось, что, используя этот незанятый противником участок, наша кавалерия тут не раз выходила в тыл противника. Мы как раз у кавалеристов и вышли, с нашей стороны там кавалерийская дивизия стояла.

Мы вышли, нас выстроил особист, проверил досконально, но у нас всех с собой документы были, так что проверка много времени не заняла.

Кавалеристы угостили нас обедом, налили по чарке, и потом мы сразу захотели отдохнуть. Они отправили нас в хорошие сараи с сеном, мы отдыхали. А утром нас подняли, посадили в эшелон и отправили в город Торопец, Калининской области, там оказался приемный пункт сбора. Разведчик пошел в один пункт приема, а я в свой, офицерский.

Меня тут же назначили командиром батареи в какой-то полк, а потом я пошел за разведчиком и увидел своего контрразведчика нашего полка. Я смотрю, наш. Представился. Он: «Я как раз вас и жду. У меня машина, а дивизион недалеко». Приехали в расположение дивизиона, он там новую матчасть ждал. Так я вернулся в свой полк.

Остальные три дивизиона к тому времени уже получили другие орудия и воевали, в Торопце оставался вот этот дивизион и начальник штаба полка Карпенко. Он меня хорошо принял, обнял, говорит: «А то я уже подумал, что вы пропали без вести». И направил меня к командиру дивизиона, а тот у нас боевой был, но любил выпить. Он собрал офицеров: «Ну что, господа офицеры, помилуем или расстреляем?» – и так минут 15 шутил. Все говорят: «Помилуем, товарищ капитан. Все-таки лейтенант пришел со своим оружием, и еще трофейное у него, документы. Помилуем».

Рогозин, мой друг, организовал поесть, а в этом Торопце был винный завод, какое-то вино там делали, и я помню, полстаканчика выпил и сразу уснул.

Неделю я отдыхал. А через неделю в наше расположение прибыл представитель штаба 22-й армии, которая сзади по Западной Двине занимала оборону, и приказал командиру дивизиона выделить двух боевых офицеров. Выбор пал на меня и на моего друга Рогозина. Он был командиром взвода управления нашей батареи, а в 22-й армии его назначили командиром разведотряда, дали машину, разведчиков. А меня назначили командиром отряда истребителей танков. Дали мне 100 человек артиллеристов, причем не из нашего дивизиона, а из других частей, неограниченное количество бутылок с горючей смесью и небольшое количество гранат. Задача перед нами стояла такая – артиллерийские части должны были занять оборону по речушке Торопец, а я в 5–6 километрах должен расположить свой отряд в шахматном порядке вдоль дороги, зарыться и, когда немецкая колонна втянется в наше расположение, одновременным ударом нанести максимальные потери колонне танков, которая рвалась в Великие Луки, кажется. Мы ждали их с неделю, полторы, а потом нам сказали, что немцы по правой дороге идут, там было две дороги. Мы изготовились. Мы удар нанесли, колонну разгромили и начали

отходить на пункт сбора. Подошли к деревне, смотрю, а там уже немцы по домам шуруют, а пункт сбора километра полтора за деревней.

Но у меня все-таки был опыт действий в окружении. И мы по задам, по задам, и немцы как-то нас не заметили. А по дороге немецкие машины идут, бронемшины, танки. Мы улучили момент, когда прошла колонна, а другая еще не подошла, проскочили через дорогу, а там дальше кусты, и мы в них. Вышли через два дня, я нашел штаб армии, доложил. Меня там встретил тот полковник, который нам ставил задачу, поблагодарил, после чего меня направили в другой полк заместителем командира батареи. Я туда прибыл, а там оказалось, должность заместителя командира батареи занята... Меня направили в артиллерийский резерв штаба фронта, и там мною заинтересовался представитель «катюш». Так в конце ноября я получил назначение командиром батареи в 35-й отдельный дивизион, который поддерживал то 20-ю, то 16-ю армии на правом крыле Западного фронта. К тому моменту противник уже ослабел. Его наступательный порыв иссякал. В конце ноября – начале декабря его движение застопорилось, и тогда Жуков решил нанести контрудар. Это было что-то необычное – то мы были в состоянии обороны, а тут наши войска пошли вперед, мы вели огонь уже по отступающему противнику.

Зима тогда была снежной, и наступать можно было только по дорогам, которые были расчищены от снега, а по бокам дорог сугробы были наравне с кабинами машин.

В 1942 году, когда наши вели наступление под Сталинградом, Ставка нам приказала провести Ржевскую операцию, чтобы не дать немцам возможности перебросить войска под Сталинград.

Надо сказать, обычно противник засекал нас очень быстро, очень велик был демаскирующий фактор наших машин – один залп, и на километр пыль и грязь, по нам сразу били и авиация, и артиллерия, поэтому, как правило, у нас была одна или две запасные огневые позиции, мы после залпа сразу переезжали на другую позицию. А в Ржевской операции получилось так, что у артиллерии было мало боеприпасов, эвакуированная на восток промышленность еще не могла дать нужное количество снарядов, а наши боеприпасы были очень дешевые и очень быстро изготавливаются, поэтому под Ржевом артиллерийская подготовка в основном шла за счет реактивной артиллерии, и у нас просто времени не было менять позиции. В течение часа нам приходилось давать 6–7 залпов, а это страшный темп.

Мы не успевали маневрировать, и после первого же нашего залпа немцы обнаруживали наши позиции и сразу же наносили по ним артиллерийские удары. Там мы понесли потери.

У нас в одной батарее была санинструктор, Лида Колесниченко, у нее муж танкистом был и погиб в самом начале войны, после чего она пошла на фронт и попала в наш дивизион. Она была очень симпатичная женщина – статная, высокая, боевая. Ее весь личный состав боялся, она с ним справлялась лучше любого старшины. И у нее была взаимная любовь со старшим сержантом, заместителем командира взвода.

И вот только мои ракеты пошли, немцы ударили в ответ и попали в окопчик, где был заместитель командира взвода. Он ранен, а я слышу, что еще снаряды идут. Вижу, Лида из ровика побежала к нему. Я кричу: «Лида, назад!» Конечно, не послушала, это ее обязанности санинструктора, раз человек ранен. Вторым залпом противника их обоих убило.

Тогда же погиб командир нашего дивизиона Кузнецов. Мы с ним были большими друзьями, сперва вместе командовали батареями, он старше меня был, не успел до войны закончить академию им. Дзержинского, и вот я как-то вечером иду к нему, подписать боевое донесение. Сидим. Он подписал. Я уже хотел уходить, а мы напротив окна сидели, и тут какой-то шальной тяжелый снаряд противника упал вблизи, и большой осколок попал ему под лопатку. И он сразу... Он только мне сказал: «Миша, плохо»... И умер.

В 1943 году мы участвовали в знаменитой Смоленской операции. Мы поддерживали 222-ю дивизию, надо сказать, что командир дивизии, полковник, со своим управлением, как правило, шел впереди, иногда на уровне атакующих батальонов, и командир нашего дивизиона

тоже вместе с ним, и вот они вместе попали под огонь противника. Командир дивизии был смертельно ранен, мой командир, майор Богоровский, был тяжело ранен, так что дивизионом командовать пришлось мне.

В конце операции мы поддерживали 5-й механизированный корпус, и я получил приказ войти в организационный состав штаба 5-го механизированного корпуса. Как сейчас помню, я нашел командный пункт командира корпуса, генерал-лейтенанта Волкова. Он очень хорошо меня принял, когда я подъехал, он как раз умывался. Умылся, пригласил меня в свою штабную машину, угостил завтраком. Я ему доложил наши боевые возможности. Очень обрадовался, что в его распоряжение поступило такое мощное средство.

В конце операции нашему дивизиону было присвоено почетное наименование Смоленский.

Потом была еще операция под Ленино, с участием 1-й дивизии Войска Польского имени Костюшко. Дивизия Костюшко была в центре боевого порядка, а справа и слева наши дивизии, к несчастью, ослабленные. Наши тылы отстали, а тылы противника, наоборот, были близки к фронту.

Когда мы провели артиллерийскую подготовку, пехота пошла в атаку, а за ними должен был быть введен наш 5-й механизированный корпус, а вслед за нами кавалерийский корпус, и мы должны были начать уже освобождение Белоруссии. Но противник сорвал наступление пехоты. Дивизия Костюшко прошла около 6 километров, а наши немножечко отстали, и авиация не поддержала. Так что эта операция провалилась.

После этого нас вывели под Москву, а под новый, 1944 год мы прибыли под Киев, где из 5-го гвардейского Сталинградско-Киевского корпуса генерала Кравченко и нашего корпуса формировалась 6-я, пока еще не гвардейская, танковая армия.

Тогда у нашей Ставки был план: силами 1-го и 2-го Украинских фронтов провести Корсунь-Шевченковскую операцию. Наша армия и, в частности, наш корпус находились в авангарде. Окружили немцев, все хорошо, и вдруг ударили оттепели, все развезло.

Я тогда начальником штаба дивизиона был, у нас как было устроено – я занимался всей огневой подготовкой, а командир дивизиона занимался взаимодействием с общевойсковыми командирами. И вот так получилось, что я с одной только 1-й батареей преодолел эту грязь, шел по целине, мы освободили большой населенный пункт, в котором захватили большие трофеи. Заправили машины и пошли вперед. Мы находились уже в 25–30 километрах от Днестра, и командир 45-й бригады, полковник Марацевич, поставил нам задачу – с наступлением темноты колонным путем прорвать оборону противника, захватить город и мосты. А у нас всего сил-то – моя батарея, 17 танков и около батальона пехоты, десанта. Вот и вся сила.

Помню, командир бригады нас пригласил, всех своих командиров пригласил на ужин, даже мы по рюмочке вина выпили для храбрости, и как только стемнело... По машинам и вперед. Стрельба справа, слева, но ночью она не особенно эффективная. Мы прорвались, но немцы к рассвету оправились, и за нами! А мы уже к Могилев-Подольскому вышли, комбриг на пригорке КП организовал, вызвал меня и приказал дать залп по мостам и какому-то складу. Я это сделал, там взрывы. Переправа противника уничтожена, причем, когда мы подошли к уезу реки, середина моста стояла, а края были подорваны.

А в это время немцы уже подошли к нам. Два танка шли в боковом дозоре по оврагу и застряли. Немцы эти два танка окружили, прикладами бьют, хотели захватить. А мы как раз подъехали, командир бригады говорит: «Миша, надо что-то делать. Давай, пальни по ним». Я говорю: «Слушай, они внизу, и потом, я не гарантирую, что не попаду по машинам». Но комбриг говорит – стреляй! И я одной установкой прямой наводкой шарахнул. К счастью, в танки не попал, а немцы тут, конечно, все разбежались. Танкисты оправились, открыли огонь. Когда их подняли на дорогу, один командир танка подходит ко мне и выражается так, что в ушах море чертей. Но там весь экипаж оглушен был, и их отправили в санбат, а у меня

старшина бывший механик-водитель. Я ему говорю: «Ты сможешь управлять?» «Смогу». Так и пошли – я за командира танка, старшина – механик-водитель, мы шли замыкающими колонны. Этот танк сыграл свою роль.

Когда немцы на нас стали наседавать, в городе уже немецкие танки с мотопехотой были, я батарею с позиции снял и подъехал к городу. Мне комбриг говорит: «Ну, Миша, действуй», – и больше никаких задач мне не поставил. Я посмотрел, там крутая, узкая улица, ну, что мне там делать? А противник наедает. Думаю, что с тыла могут быть неприятности. Я решил развернуть свою батарею, причем расстояние минимальной дальности стрельбы два с половиной километра, а тут всего километра полтора. Ну я батарею развернул, задние колеса приподнял, и когда пехота перевалила через гребень и пошла в нашем направлении, я нанес один удар, причем он оказался очень эффективным. Снаряды – там был еще маленький гребень – некоторые снаряды коснулись этого гребня, и разорвались в небольшой ложине, где как раз немцы и были. И получился рикошет. Это очень эффективно. Потом еще дал залп. Все снаряды израсходовал.

Одна группа противника пошла вправо, а другая влево. Тут какой-то лейтенант-танкист оказался, я ему дал указание разгромить правую группу, и он ее рассеял. А вторую группу я даже не заметил, там слева был овраг, и эта вторая группа подошла к нашему расположению во фланг, там буквально 10 метров до наших позиций было. Открыли огонь, мы заняли оборону по кювету дороги, а немцы огонь ведут плотный. У меня на батарее один ручной пулемет, из него сначала стрелял старший сержант Усов, он с самого начала войны был в дивизионе, очень толковый человек. Вижу, он лежит, убит. Еще один сержант, Березин, он уже был награжден орденом Красного Знамени, тоже погиб, пуля попала в голову. Я взял пулемет, открыл огонь, и тут ко мне подбежал младший лейтенант-танкист. Даже не знаю, откуда он появился, взял у меня пулемет. Немцы начали гранаты бросать, а наши их хватали и обратно немцам отправляли. Вот мы так: они к нам, а мы к ним. И таким образом, они решили, что не захватят батарею, и ушли, спустились в город. У меня оказалось два погибших, несколько человек ранены, в том числе и один шофер, кто-то ранен был из мотопехоты.

Я решил, что надо вниз спускаться, там есть медсанбат. Погрузил на боевые машины раненых, сам за руль первой машины, приехали в деревню. Там действительно оказался развернутый медпункт. Тут и командир корпуса, но меня командир бригады обогнал на трофейной машине, остановился:

– Ну как?

Я говорю:

– Много потерь, но я вас спас, я вас прикрыл.

– Молодец. Доложу командиру корпуса.

Я приехал в деревню, а тут и командир дивизиона подъехал.

Я остро переживал потери. Это для меня был второй такой трагичный эпизод.

Михаил Гаврилович, вы выходили из окружения, 60 человек: какое было настроение?

У нас никакого сомнения в конечной победе не было. И даже в критической обстановке мы знали, что мы выйдем, мы победим, уверенность у всех была только такая. Это я четко помню.

В этой группе возрастной состав какой был?

В основном солдаты, молодежь. Были и офицеры. Кроме командира батальона, там было еще несколько офицеров из штаба дивизии, политработники, солидные люди. Командовал Ковалев.

Другие окруженцы примыкали к вам?

Нет, мы никакого не встретили.

Кроме богатых трофеев на повозках, как питались?

Плохо. В основном на подножном корме. В то же время мы за эти 20 дней несколько раз нападали на гарнизоны, небольшие деревни, где немцы были, и вот там нас местное население хорошо принимало, кормили до отвала и с собой всегда давали.

Отношение местного населения хорошее было?

Очень хорошее.

Тяжело было со ствольной артиллерии на реактивную переучиваться?

Там был заместитель, я представился, познакомился с личным составом, тогда некоторое затишье было, и спрашиваю у заместителя: «Как вы тут стреляете, таблица стрельбы есть?»

Мы в Рязанском артиллерийском училище учились на системы большой мощности, 203, 280 мм, там таблицы объемистые, а тут мне дают на двух листах, вот вся таблица стрельбы. Ну мне заместитель, он только недавно из Ленинградского училища прибыл, рассказал, что у «катюш» только залповая стрельба, одиночной нет. И пристрелку у них проводить нельзя, снаряды не слушаются.

И действительно, я потом уже, весной, попытался по одной цели, дал один снаряд, перелет, второй снаряд – недолет, думаю – значит, вилка, третий снаряд, а он еще дальше пошел. Я убедился, что это бесполезно, и поэтому боевое применение нашего грозного оружия, надо прямо сказать, в основном было по открыто расположенной и атакующей живой силе противника. В 5—10 секунд батарея выпускает 64 снаряда, причем мощных снаряда, 132-мм калибра. В секунды они накрывают противника, и тот, как правило, имел огромные потери.

Надо сказать, мне, как командиру батареи, неоднократно приходилось действовать отдельно от дивизиона. Помню, как-то полк пытался захватить одну высоту, а немцы там усиленно оборонялись. Мы с командиром полка сговорились, что как только атака, я наношу удар, его рота сразу идет в атаку и высота будет нашей. Действительно, так получилось – я нанес удар, рота пошла в атаку, немцы побежали. Только массированным огнем достигается цель.

Какая была матчасть?

132-мм БМ-13.

На каком шасси?

Сначала на ЗИС-5, а потом, в 1943 году, после ремонта в Москве, нас вооружили уже на шасси «студебеккеров», это такие машины!!! Мы когда стремились выйти на Днестр, так там танки на брюхо садились. А я решил по целине, причем две-три машины в спарке, и шли как паровоз. В результате к Днестру вышла только одна батарея нашего дивизиона, остальные преодолевали украинскую грязь. Очень мощные машины были.

Спасибо, Михаил Гаврилович.

Интервью А. Драбкин

Лит. обработка Н. Аничкин

Анашкин Иван Николаевич

Я родился 4 апреля 1919 года в Рязанской губернии (теперь Рязанская область) в семье крестьянина. Моя мать, Елизавета Ивановна, 1900 года рождения, очень рано вышла замуж, связав свою судьбу с Анашкиным Николаем Трофимовичем, ставшим моим отцом. Он был чуть старше – 1898 года рождения.

Летом 1936 года окончил первый курс сельскохозяйственного техникума, мечтая стать агрономом. От товарищей по школе, которые учились в Рязани, узнал, что объявлен первый набор в только что создаваемую в г. Рязани артиллерийскую школу.

И вот мы читаем призыв комсомола: «Молодежь в артиллерию!» Поразмыслив и посоветовавшись с отцом, а также поговорив с односельчанами, служившими в Красной Армии, – А. Пухунковым, В. Анашкиным, А. Рыбкиным, я решил подготовить необходимые документы и направить их через районный военный комиссариат в Рязанскую артиллерийскую школу. В сентябре 1936-го получаю вызов на вступительные экзамены. Волнений было немало. Я и мои однокашники по сельскохозяйственному техникуму прибыли в военный городок Дашки, что в пригороде Рязани. Вся обстановка военной казармы располагала к тому, что надо непременно выдержать экзамены. С трудом у меня это получилось. А вот друзья, к сожалению, не были приняты.

Осенью 1938 года руководством Наркомата обороны было принято решение о досрочном выпуске из училища. В числе 29 досрочно выпущенных оказался и я, получив назначение на должность командира взвода курсантов набора 1938 года в нашем училище. Этот взвод я довел до выпускных экзаменов, которые состоялись осенью 1940 года. Взвод по результатам занял одно из первых мест. Я был награжден Наркомом обороны знаком «Отличник РККА».

22 июня 1941 года был воскресный день. Командуя курсантским взводом в Рязанском артиллерийском училище, по установившейся традиции, несмотря на выходной день, я решил навестить своих питомцев-курсантов. Находились мы в то время в учебных лагерях Сельцы, что в 40 километрах северо-западнее города Рязани. В 12 часов по радио начали передавать важное правительственное сообщение. Слова диктора звучали тревожным набатом. Война. О многом передумал в эти роковые минуты. Вспомнил свое увлечение военной историей отчества, подвигами его героев. Военная служба в нашей стране была в большом почете. Бывало, с восхищением и завистью заглядывался на проходившего мимо подтянутого, молодцеватого военного – в командирской фуражке, гимнастерке и хромовых сапогах. Вот бы и мне таким стать! И мои мальчишеские мечты, в конечном счете, осуществились. И этому способствовало многое. Любовь в народе к своей Красной Армии, патриотическое воспитание в школе и семье, массовые общественные организации в помощь армии – Осоавиахим и другие. Так что для меня и многих моих сверстников выбор профессии был естественным и легким.

И вот война. Внезапная и неотвратимая. И кому как не нам – военным профессионалам – надо было встать тогда в первые ряды защитников Родины. Все мы были уверены в справедливости нашего дела.

Но вернемся в Рязанское артиллерийское училище. Там с началом войны мы, молодые командиры, стали обучать артиллерийскому делу курсантов по сокращенной программе. Особое внимание в учебе уделялось способам борьбы с танками противника, как основной ударной силой сухопутных войск гитлеровской Германии. Полтора месяца мы занимались этим делом. Но у каждого из нас сердце рвалось на фронт, где решалась судьба Родины.

«Чужой земли мы не хотим, но и своей не отдадим, ни одного вершка своей земли» – мы верили в эти неоднократно повторяющиеся заявления советского руководства. Но на деле все получалось иначе. Чужой земли мы действительно не хотели, но свою землю теряли под натиском врага десятками и сотнями километров. Официально разъяснялось, что главной причиной наших неудач в начальный период войны являлись внезапность нападения гитлеровцев и их вероломство, о других же причинах стало известно только по окончании войны: грубые просчеты руководства страны в определении сроков возможного нападения Германии на СССР и связанная с этим явно недостаточная подготовленность армии и страны к эффективному и быстрому отпору врагу, незавершенность развертывания и перевооружения Красной Армии, необоснованные репрессии в отношении военных командных кадров незадолго до войны и др.

Между тем из Рязанского артиллерийского училища один за другим убывали командиры на фронт. Наконец-то очередь дошла до нашей группы. 6 августа 1941 года нас пять человек – капитана Ф. Ф. Терешонка, батальонного комиссара П. И. Еремина, лейтенантов П. Брусенкова, Ф. Журавлева и меня – на автомашине ГАЗ-АА отправили в Москву.

В Москве нас принял начальник управления кадров артиллерии Красной Армии генерал П. А. Гамов. «Ну, здорово, рязанцы», – проокал Павел Алексеевич.

Помнил он нас, своих питомцев. Ведь в 1936–1938 годах он, будучи преподавателем в Рязанской артиллерийской школе, впоследствии ставшей военным училищем, обучал нас тактике действий артиллерии в бою. Был он рад и встрече со своими сослуживцами по артшколе Ф. Ф. Терешонком и П. И. Ереминым.

Всех нас пятерых генерал П. А. Гамов определил в 1-й гвардейский минометный полк. Ф. Терешонка – командиром 3-го дивизиона, П. Еремина – комиссаром, а нас троих лейтенантов – командирами батарей этого же дивизиона. Он рассказал нам вкратце о новой артиллерийской орудии и направил на формирование в Алабино. По пути в Алабино, на Белорусском вокзале, повстречали раненых бойцов, прибывших с фронта из-под Смоленска.

Алабино – это подмосковный учебный центр, где формировались реактивные минометные части. Вначале их формирование было возложено на начальника Московского артиллерийского училища полковника Ю. П. Бажанова. Впоследствии он стал начальником фронтовой опергруппы гвардейских минометных частей, а после войны удостоен звания маршала артиллерии. Осенью 1941 года штаб формирования ГМЧ был переведен в комплекс зданий на шоссе Энтузиастов в Москве (школа № 443 и др.). Многие части реактивной артиллерии формировались в Москве, в помещениях школ и других зданиях Москвы и Подмосковья. Поэтому Москва по праву считается родиной полевой реактивной артиллерии. Именно здесь были сформированы многие подразделения частей и соединений гвардейских минометных частей.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования 8 августа 1941 года началось формирование нашего 1-го гвардейского минометного полка, в котором я был командиром 8-й батареи 3-го дивизиона. Командование полком было возложено на майора В. А. Шмакова, отозванного со второго курса Военной академии им. М. В. Фрунзе. Требовательный, глубоко знающий дело, душевный командир.

Мы быстро освоили материальную часть нового оружия. Оно поражало простотой конструкции. Это были специально оборудованные автомашины ЗИС-5. У них были прямоугольные кабины с бронированными козырьками впереди, вместо кузова возвышались с уклоном к кабинам трубчатые фермы-основания, и на них длинные двутавровые балки с полозьями посередине. Такие боевые машины имели индекс БМ-13. Главный секрет состоял в реактивных снарядах, 16 штук которых устанавливалось на направляющих фермы. Это были осколочно-фугасные снаряды калибра 132 мм, весом 43 кг. Достоинством боевых машин в отличие от ствольных орудий являлась подвижность, многозарядность, их способность вести залповый огонь. В течение нескольких секунд каждая боевая машина могла выпустить столько снарядов, сколько под силу было выстрелить 16 орудиям и поразить цели на значительной площади. Для стрельбы такими снарядами не нужны были тяжелые дорогостоящие орудия, а достаточно было для пуска иметь установки простейшей конструкции. Реактивные установки были весьма экономичным оружием, их серийное производство не требовало больших затрат. Но, пожалуй, больше всего впечатляла кратковременность приведения боевой машины в боевое положение и перевода из него в походное положение. Это было воистину новое оружие, подобного которому тогда не было ни в одной армии мира.

С однополчанами.

Завершив формирования 1-го Гвардейского минометного полка в августе 1941 года, он подивизионно начал убывать на фронт. 6 сентября убыл наш третий дивизион, в котором я был командиром 8-й батареи. Полк был направлен на Брянский фронт.

Первый бой, сколько переживаний, волнений! И вот наш первый залп. Он запомнился на всю жизнь. И теперь, 60 лет спустя, многое помню в деталях, как он готовился.

Командир дивизиона Ф. Ф. Терешонок поручил мне возглавить командирскую разведку и подготовить огневые позиции для всех трех батарей дивизиона в районе города Глухова. Задача не из легких. Быстро собралась наша группа и выехала в район, указанный командиром дивизиона. Прибыв туда, выбрали огневые позиции батарей, определили их координаты и основное направление стрельбы. Доложив по радиации о выполненной работе, в одном километре от позиции встретили колонну боевых машин, которую возглавлял командир дивизиона. В ночь на 13 сентября батареи заняли огневые позиции. Были получены координаты цели и подготовлены данные для стрельбы. Прибывшие заряженными установки в выжидательном районе навели в цель. В кабинах остались только командиры и водители БМ. Поворот рычажка в приборе управления огнем – и реактивные снаряды устремились на врага. В темное время впечатление незабываемое. Собрали огневые расчеты. Мгновенно была подана команда «отбой». Наблюдая за их работой по переводу боевых машин из боевого положения в походное, к своему большому удивлению и с беспокойством я увидел, что на направляющих одной из боевых машин лежали все 16 реактивных снарядов. С тревогой подумал, не случилось ли ошибки в действиях командира боевой установки, а может быть, неисправной оказалась электропроводка, подумал я. Убедившись, что система электрооборудования боевой машины отключена, я подал команду: «В колонну, за мной, марш». С предельной быстротой оставили мы огневую позицию. До выжидательного района доехали нормально. Но все это время я сильно волновался и переживал, ибо опасался, как бы в ходе марша не произошло схода РС с направляющих. Но этого не произошло. А вот звук разрывающихся в районе огневых позиций немецких снарядов был слышен. Но там уже не было нашей боевой техники и людей. По прибытии в выжидательный район еще раз поинтересовался у командира и водителя боевой установки,

что же произошло. Оказалось, что командир, растерявшись, не поставил в соответствующий механизм «ключ зажигания», не замкнув, таким образом, электросистему боевой установки. Как он сказал, на его состояние действовали струи огня, выходявшие из сопла реактивных снарядов соседних установок. В темное время, да еще впервые такое наблюдая – эффект был ошеломляющим.

Разобравшись, я доложил командиру дивизиона капитану Ф. Ф. Терешонку. Он не стал бранить меня, но сказал при этом: «А ведь эти 16 реактивных снарядов могли нанести немалое поражение скопившейся боевой технике и немцам на железнодорожной станции Глухов, куда производил наш дивизион залп».

После этого командир дивизиона на совещании сообщил нам результаты залпа на основе данных, полученных от разведки. Почти 200 снарядов сделали свое дело: скоплению живой силы и техники врага в районе города Глухова нанесен существенный урон.

Затем еще было несколько выездов на огневые позиции и выполнение боевых задач. Дороги были забиты войсками и развезло. Я очень хорошо помню, как приходилось буквально на руках вытаскивать из лесу на дорогу застрявшие автомашины ЗИС-5 с боеприпасами. Совершили маневр на большое расстояние.

Ну а потом наступило затишье, немцев остановили, перешли к обороне. А они готовили, как потом стало известно, свое первое генеральное наступление на Москву, которое пришлось на 30 сентября или 1 октября. 30-го разведка действовала, небольшие силы, а вот 1-го начали в полном масштабе, развернули наступление, и здесь действовали войска танковой армии Гудериана. И накануне мы получили задачу: выехать на позицию и подготовиться к выполнению задачи, связанной с отражением предполагаемого удара, по результату разведки, которые были 30 сентября.

В 2 часа ночи 1 октября батареи дивизиона вышли на позиции, зарядили боевые машины и подготовились к огневому удару. Против правил противник без артподготовки перешел в наступление. С утра дивизион произвел залп, атака заметно ослабла. Но через два часа атака возобновилась, в атаку пошли немецкие танки.

Мы были вынуждены отступить. Командир дивизиона со своим взводом управления и двумя боевыми машинами 7-й батареи, которой командовал Федя Журавлев, они через Севск проскочили, а следующие машины, моя 8-я батарея и 9-я Брусенкова – они оказались отрезанными. За командира дивизиона остался капитан Плотников. Он потом был командиром 85-го полка комсомольско-московского, начальником кафедры ракетных войск артиллерии во Фрунзенской, когда я учился, написал книгу. И вот здесь он меня послал: «Посмотри, вот этой дорогой, как там нам проехать?» Выезжаю на машине разведки, смотрю – танки немецкие. Впервые столкнулся непосредственно, ну и, конечно, быстренько опустили в лошину, я им доложил, и мы ставим задачу: мы совершаем соответствующий маневр. Был приказ выйти в район города Карачев, там сосредотачивались остатки нашего дивизиона и 1-го дивизиона. А 2-й капитана Гортанова действовал отдельно, и он как-то сумел уйти в полном составе из окружения. Потом он под Москвой воевал, и мы с ним потом встретились уже в Сухиничах, когда я командовал уже 5-м дивизионом, а он 31-м дивизионом.

Нам пришлось маневрировать и вести порой огонь несколькими БМ. Снарядов оставалось мало, а колонне парковой батареи с боеприпасами путь движения перерезали танки противника, устремившиеся к г. Орлу.

Вспоминается такой случай. Во время марша из-под Севска наша батарея отстала от колонны дивизиона. В это время внезапно из-за опушки леса вышли немецкие танки и устремились к стоящей на дороге батарее. Лейтенант Скородумов приказал развернуть боевую машину и открыть огонь. Два из четырех танков были выведены из строя. Но и в батарее была повреждена одна БМ, несколько человек ранено, в том числе и ее командир. Но он продолжал руководить боем, пока не был сражен осколком разорвавшегося снаряда. Два уцелевших

немецких танка, свернув с дороги, скрылись в лесу. Это был первый на моей памяти случай лобового единоборства наших боевых машин с танками противника.

Оказавшись в небольшом окружении в районе леса, у моста через речушку Рессета, командование 50-й армии, ее командарм генерал-майор Петров и его штаб не смогли помочь войскам выйти из него. Ведь вокруг нас была незначительная группировка немецких войск. Она вели лишь беспокоящий огонь из минометов и автоматов. А у нас: пехота, артиллерия и два дивизиона 1-го гвардейского минометного полка во главе с командиром полка и его штабом.

Произведя два залпа оставшимися реактивными снарядами, мы получили приказ: «Подорвать боевые машины». Для этого на каждой машине находилось соответствующее количество ВВ – тола. Что и было сделано. После этого нам было объявлено, что из окружения будем выходить на автомобилях. Но и этого не произошло. Начали выходить своим ходом в пешем строю. Разбившись по боевым группам, начали движение. Вспоминается, как я, задержавшись на несколько минут, решил перекусить. Не успев открыть банку консервов, услышал, как около меня разорвалась мина. Вскочил и стал догонять свою группу. К счастью, все обошлось благополучно. У моста через р. Рассета я встретил комиссара полка Клинцева. Он поставил мне задачу: выяснить у лесника, который находился в картофельной яме в огороде своего участка земли, как лучше выходить на дорогу, где может быть меньше немцев. При подходе к картофельной яме меня обстреляли из автомата. Случайно, опять обошлось благополучно. В противном случае не было бы сейчас этих воспоминаний. Возвратившись к дому лесника, где находилось много раненых, о случившемся доложил комиссару. Он поставил мне задачу: возглавить разведку маршрута нашего выхода из окружения.

Взяв карту, компас, я сориентировался и во главе с разведгруппой начали движение на восток. Вскоре бегом пересекли магистральную шоссеиную дорогу и к вечеру этого дня вышли к одному из населенных пунктов, где заночевали, а с утра продолжили движение. Немцев не встретили. Видели лишь, как колонны наших войск выходили из окружения, двигаясь на восток. И так длилось несколько дней, с 13 по 20 октября 1941 г. Вышли в город Белов, а затем на автомобилях через Тулу в Москву. Здесь, в штабе гвардейских минометных частей, мы доложили о том, что же произошло в ходе боевых действий 1-го и 3-го дивизионов 1-го Гвардейского полка на Брянском фронте. Сделали соответствующее внушение и предупреждение.

Тогда срочно приступили к формированию отдельных гвардейских минометных дивизионов, более маневренных, их можно быстрее формировать, чем полки. По приказу Ставки было сформировано 20 таких дивизионов, которые убыли под Москву. Я попал в 5-й дивизион. Сначала исполнял обязанности командира дивизиона, а потом стал командиром 1-й батареи.

На фронт мы выехали примерно 22–23 октября. Вначале нас направили под Волоколамск в 16-ю армию Рокоссовского. Но потом сложилось угрожающее положение на Можайском направлении против войск 5-й армии, в командование которой вступил генерал-майор артиллерии Говоров Леонид Александрович, он до этого был начальником артиллерийской академии, а потом его назначили начальником штаба артиллерии Западного фронта, потом Жуков взял его к себе командующим 5-й армией. Поскольку здесь сложилось угрожающее положение, вынуждены были и наш дивизион перебросить сюда, на Можайское направление. И здесь сразу в бой в ночь на 24–25 октября выезжаем на огневые позиции в районе села Калининское, где сейчас «катюша» стоит в честь нашего дивизиона. А я на пункте оказался в это время, на одном из пунктов командир стрелкового полка 44-й дивизии генерал Пронина. И вдруг там суета и прочее, приезжает командарм, посредственно недалеко от переднего края, разобрался в обстановке, командир полка приказал: «Товарищ лейтенант!» и ставит мне задачу. Сюда показывает, в районе Кулебякино, здесь сосредоточение, которое грозит переходом в наступление, мы отстаиваем здесь важные позиции, огонь артиллерии одновременно. Я открыл координаты, передал туда на огневые позиции, подготовили. Командир дивизиона

где-то там тоже был в районе позиции, поступил приказ: готовьте залп. Как потом рассказали, там были две дивизии немцев сосредоточены, они свои попытки наступать прекратили. Потом местные рассказывали, что там была большая паника, высокие результаты были. Командарм поблагодарил, уехал. Войска наши эти позиции удержали до 7 ноября, в день 24-й годовщины революции прибыла делегация из Кунцевского района Москвы, из Звенигорода с подарками: смотрите, ни шагу назад. Мы продержались до 16 ноября. 16 ноября немцы начали свое второе генеральное наступление на Москву. Мы совершали большие маневры, в одном из боев понесла тяжелые потери 2-я батарея Налимова Константина, сам получил тяжелые ранения, ему ампутировали ногу. И пришлось нашей одной батарее осуществлять эти маневры.

Мы регулярно меняли огневые позиции, поскольку противник обнаруживался в другом месте. В частности, прошла неделя после начала наступления, я помню, мне командир дивизиона: «Свяжись вот с этим батальоном». Потому что связь дивизион держал с полками, а тут с батальоном. Я приезжаю, смотрю, завтрак идет и три лейтенанта: командир батальона (видимо, недавний выпускник училища), начальник штаба – лейтенант, комиссар-лейтенант и я – четвертый лейтенант. Мы согласовали, уточнили, куда залп, пока немцы еще спокойные были. Потом они начали атаковать, и мы эти разведданные использовали, помогли им отразить атаку.

Потом положение тяжелое сложилось на стыке 5-й и 33-й, где действовала знаменитая 32-я дивизия Полосухина, которая проявила себя на Бородинском поле. На стыке под Кубинкой, мы там подготовили залп, произвели два залпа, тогда там прорвались танки, угроза была особая, тогда Говоров принял все меры, чтобы эту группу задержать, вплоть до того, что зажигали стога сена и соломы, которых было немало, которые в какой-то степени могли этому помочь.

Бои продолжали, немцы решили обойти с запада, с северо-запада – им не удалось прорваться, они решили с северо-запада обойти Звенигород, Ершово, Анашкино, куда я производил залп непосредственно из Звенигорода. Наконец наступает 5 декабря. К тому времени 2-я батарея была вновь сформирована, мы получили технику, пополнение из ствольной артиллерии: и командиры батареи, и комиссары батареи, и другие должностные лица.

Тогда под Москву прибыли сибирские части, и нас направили на усиление одной из стрелковых бригад. Мы, как и они, в полушубках, хорошо экипированные, вооруженные.

Февраль 1943-го, Касторное.

Наш дивизион участвовал в первом артиллерийском налете, который возвестил о начале разгрома немецко-фашистских войск под Москвой. Мы наступали на Рузу, помню, снега было много, дороги непроезжие, лес, летал одиночный самолет немецкий, он пытался обстреливать, но ничего не получилось, и скрылся. И там я впервые увидел немецких пленных.

Потом мы получили приказ, и дивизион перебрали под Шаховскую, где действовала 20-я, потом нас перебрали в 1-ю ударную армию. Под Новый год мы действовали совместно с бригадой морской пехоты. Я помню огромный клуб колхозный, мы там собрались на вечер, подарки привезли. Получили задачу, и с утра выступление. Мы как артиллеристы подготовили залп по намеченным целям, и в атаку, конечно, морячки. Однако успехи наши были незначительные. Потом постепенно мы улучшали свои позиции, но вскоре наши войска перешли к временной обороне.

Вот так завершилась эта эпопея и радостное событие постановлением, награждением орденом Красного Знамени, который мне вручал Константин Константинович Рокоссовский под Сухиничами, куда я прибыл в роли командира, лейтенант еще был, командир дивизиона. И там командующий возмущенно сказал: «Как же так?!» Приказано командармом присвоить старшего лейтенанта. В мае смотрю – капитан. А уже в конце года, когда под Ржевом воевали – майор. И вот с этим дивизионом в звании майора прибыл в Москву на переформирование, получаю приказ сформировать 323-й гвардейский минометный полк. Формирование нового полка производилось на базе 5-го отдельного гвардейского минометного дивизиона, в помещениях и на территории одной из средних школ Москвы, в Сокольниках. Основные мероприятия по созданию 323-го ГМП были осуществлены в январе 1943 года.

А вас по выходу из окружения проверяли?

По выходе никаких проверок не было. Были представители из штаба гвардейских частей, вот комиссар у нас был, зам. командира полка выходил, у нас специально форма отдельная была гвардейцев-минометчиков, знали, поэтому пока на слово в машину, в Москву, а там уже... Меня опять, когда вызывали в кадры штаба формирования, видимо, и других товарищей, естественно спрашивали, как все получилось, все доложили. «Назначаем вас на фронт, но чтобы больше этого не повторилось».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.